

По пути социализма

С чувством удовлетворения и радости встречаем мы вести об экономических и культурных победах, одержанных странами народной демократии. Новые цели, выросшие в Готвальдов, радуют нас так же глубоко, как вступление в строй мощного электромеханического пеха на венгерском заводе «Ганц» или открытие первого высшего учебного заведения в Албании. Мы всей душой — труженики стран, вырвавшихся благодаря победоносному Советскому Союзу из хищных лап империалистических колонизаторов и ставших на путь свободного и независимого существования, великого созидательного творчества, на путь строительства социалистического общества.

Справедливая и прогрессивная социально-экономическая система, прочно утвердившаяся в странах народной демократии, демонстрирует свою животворную силу. Вдохновенный труд, который кипит на венгерской равнине и в албанских горах, в городах Польши и в селах Румынии, на заводах Чехословакии и на новостройках Болгарии, уже находит живое воплощение в успешном осуществлении этими странами своих экономических планов. Дыхание этого свободного плодотворного труда ощущается и на промышленных выставках, организуемых государствами народной демократии в столице Советского Союза.

Вслед за чехословацкой и венгерской промышленностью демонстрирует в нынешнем году свои успехи промышленность Польской республики. Тысячи советских людей с интересом осматривают изделия польской текстильной, кожевенной, минеральной, бумажной, деревообрабатывающей и других отраслей промышленности. Рядом с двумя тысячами образцов тканей и множественно других изделий легкой промышленности на выставке демонстрируются металлообрабатывающие станки, компрессоры, трансформаторы. Всеобщее внимание привлекает трактор «Трус» и грузовой автомобиль «СТАР-20» — продукция первенцев польской тракторной и автомобильной промышленности, рожденных трехлетним планом.

Мы восторгом видим, сколь велики успехи стран-друзей.

Отличная обувь, изготовленная на бывшем заводе «Ватя», добротные изделия венгерской национализированной промышленности, прекрасные польские ткани, сделанные руками рабочих — хозов предприятий, — все это полно глубокого значения и смысла для советского человека, который видит в этих разнообразных, сделанных с любовью и вкусом вещах материальное выражение экономического расцвета стран, следующих великому примеру страны Советов.

Узы глубокого духовного родства связывают советского человека с тружениками стран народной демократии. И даже безгласные короткие записки, оставленные на выставках в книгах отзывов, служат убедительным подтверждением прочности и силы этих дружеских уз.

«Все виденно прекрасно. Пусть здравствует трудлюбивый чехословацкий народ — наши братья славяне. Токварь Ф. Мосеев».

«Мне, участнику освободительного похода в Чехословакию, особенно приятно видеть результаты плодотворного труда чехословацкого народа. Гвардии майор Е. Божанов».

«От души рады успехам молодой народной республики, руководимой коммунистической партией. Привет чехословацкому народу! Рабочие 1 ПЗ им. Л. М. Калановича Харшова, Симкова, Кирьянова».

В лаконичных записках звучит голос не равнодушных «посетителей выставок», а искренних доброжелателей, товарищей по труду и соратников по борьбе.

Используя богатейший опыт строительства социализма в Советском Союзе, страны народной демократии добились выдающихся экономических успехов, показывая свои великие преимущества перед капиталистическими государствами. Давно ли предания буржуазная печать высмеивала первые планы восстановления и развития хозяйства, намеченные правительствами стран народной демократии? Давно ли Труман предостерегал этим странам невероятные экономические затруднения, если они не согласятся надеть себе на шею петлю «американской помощи», которую американский президент пытался выдать за спасательный круг?

Сегодня все эти утверждения и прогнозы опровергнуты жизнью. Смыслы и увлекательные планы, намеченные правительствами стран народной демократии, стали явью. В то время как многие западноевропейские государства, сблизившиеся обманчивым блеском заокеанского золота, испытывают огромные экономические трудности и никак не могут достигнуть довоенного уровня производства, страны, следующие примеру Советского Союза, давно оставили позади военные экономические показатели и развернули обширное, невиданное в их истории новое строительство.

В великом неудовольствии обанкротившихся американских горе-профоров, страны народной демократии не только успешно выполняли первые экономические планы, но и начали осуществлять еще более грандиозные программы. Чехословацкий народ,

выполнив двухлетку, с энтузиазмом взялся за осуществление пятилетнего плана. Болгарская республика, преворив в жизнь двухлетний план, наметила обширную пятилетнюю программу экономического и культурного строительства. Польская республика досрочно заканчивает выполнение трехлетки и стоит на пороге грандиозных работ, рассчитанных на шестилетний срок, — работ, которые обеспечат построение основ социализма в стране.

Сила стран народной демократии в их неуралимой верности пролетарскому интернационализму, в их неразрывной дружбе с родной социализма — великой страной Советов. К чему ведет измена лагерю мира и демократии, показывает позорный путь клевки Тито, превратившейся в фашистскую агитацию англо-американского империализма. Подлые дезертиры — Тито, Тито и К* — навязали Югославии гестаповско-полицейский режим, завели страну в тупину экономического развала и нищеты.

Чем активнее империалистическая «шпионка» малым странам, тем быстрее теряют они свою независимость, тем скорее превращаются в сателлитов своих всемогущих господ. Достаточно сослаться на судьбу маршаллизованных государств, чтобы показать, что там, где начинается «шпионка» американских империалистов, кончается независимое существование малых стран.

Главная особенность помощи Советского Союза малым странам заключается в том, что она укрепляет их национальную независимость и государственный суверенитет.

В то время как американские правительственные разведки пытаются и всю экономическую зависимость от них малых государств и превращают их в колонии, производящие продовольствие и сырье, Советский Союз всемерно помогает индустриальному подъему стран народной демократии и тем самым укрепляет их экономическую и государственную независимость.

Без союза с СССР, без его братской помощи чехословацкий народ не мог бы сегодня строить свое новое, независимое и народно-демократическое государство, не мог бы устоять перед политическими и экономическими нажимами западных империалистов и снова отлучился бы у них в подчинение, — заявляет президент Чехословацкой республики Клемент Готвальд.

Гарантией нашей независимости и международного мира... являются братский союз и сердечная дружба нашего народа с народами великого Союза Советских Социалистических Республик, — заявляет президент Польской республики Болеслав Берут.

Советский Союз дал нам свободу, он дал нам победу, и теперь он нам дает свет и жизнь, — заявляет премьер-министр Албанской республики Энвер Ходжа.

Таков голос стран народной демократии, при помощи Советского Союза достигших крупнейших экономических и культурных побед. И советский человек, узнав о новой породе дружественных стран или увидя на выставке прекрасные образцы изделий их расцветшей промышленности, испытывает чувство законной гордости за свою великую социалистическую Родину — за высокую и благородную миссию, которую она выполняет, помогая миллионам людей идти к счастью и благополучию.

Советский человек горд тем, что для миллионов людей — чехов, поляков, румын, албанцев, болгар — стали близкими и родными понятия «план», «ударник», «соревнование», понятия, родившиеся в Советской стране и показавшие свою могучую действенную силу. Мы искренне рады, что передовые методы труда советских стахановцев-новаторов перешагнули границы и стали достоянием наших друзей в странах народной демократии.

Советская страна — центр самых прогрессивных и великих идей нашего времени. Ее опыт строительства нового общества — драгоценная сокровищница, обогащающая народы, ставшие на путь строительства новой жизни. И уже сегодня в этих странах, так же как и в Советской стране, труд из тяжкого бремени превращается в дело гражданской доблести и патриотической чести. И вполне понятно то гордое чувство, с которым газета «Жизнь Варшавы», рассказав о трудовых победах польских рабочих, спрашивает: «Есть ли хотя бы одно такое капиталистическое государство, где рабочие ощущают, как свой личный триумф, каждый метр пробитого туннеля, каждый дюйм взведенного злата, каждое бение нового мотора?»

Нет и не может быть этого в капиталистическом мире — мире эксплуатации, несправедливости, лжи.

В странах народной демократии рождаются не только новые заводы, железные дороги, сельскохозяйственные коллективы, но постепенно рождаются и новые люди. Миллионы людей — участников строительства новой светлой жизни — проникаются передовыми общественными принципами, передовыми нормами морали.

И когда мы знакомимся с присланными в Москву образцами промышленной продукции, изготовленными руками венгерского или польского рабочего на принадлежащих им заводах, — мы справедливо видим в них символ победы нового строя, новых общественных отношений, нового человека, символ укрепления лагеря мира и демократии, возмужающего могучей нашей Родиной — страной Советов.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 71 (2558)

Суббота, 3 сентября 1949 г.

Цена 40 коп.

Кубань 1949 года

1.

Мы сидим в кабинете секретаря Курганского райкома ВЛКСМ Ивана Кузьмича Сероштанова.

— Скажите, — спрашиваю я, — что вы считаете характерным для нашего района в 1949 году?

— Высокие формы организации труда и жадность к агротехнике. Второе невозможно без первого. Правильная организация индивидуальной сельщины решает успех сегодняшнего дня. Она стала законом в нашем районе. Новое никогда не приходит легко. Тут нужна непреклонная настойчивость. Возьмите без подготовки, расставьте людей по рядам. Иные через час опять сойдутся скопом и будут кричать, что им по рядам несладко, что скопом дружнее. А возьмите крикунов и проверьте, сколько у них заработано трудной в месяц. И выйдет 10—12! Лодыри кричат! Честному колхознику интересно, чтобы его труд дедал, как на бюджет, чтобы люди на него подвигались!

Сероштан встал, пошелся по комнате, остановился у окна. Видно, что разговор всколыхнул в нем какие-то большие мысли.

— Если проследить за организацией труда в колхозах, то можно увидеть несколько этапов: первый — начальный этап — это работа скопом. Тогда это было неизбежно потому, что агротехника была неле.

Потом наступил следующий этап — люди стали разбивать по звеньям и закреплять за ними участки. Сейчас наступил новый этап — остро стал вопрос об организации труда внутри звена. Люди уже воспитаны в коллективном, в колхозном духе. Это уже в крови. Высокая агротехника требует особой ответственности, особо тщательной работы над каждым участком, над каждым рядком. Социалистическое соревнование, которое также вошло в плоть и кровь, воспитало в каждом человеке желание проявить себя как можно ярче, как можно полнее. Отсюда естественно и неизбежно возникает вопрос об индивидуальной сельщине в колхозе...

Зазвонил телефон. Сероштан, напрягаясь, кричит кому-то в трубку:

— Он же в райкоме, на совещании обещал не менее 100 гектаров в день! Нет, ты спроси у него, где его сто гектаров? Ты спроси, где его партийная работа?!

Сероштан опускает телефонную трубку и говорит мне, улыбаясь добродушно и приветливо:

— Ну вот мы с вами установили, что для 1949 года у нас характерны две вещи: высокие формы организации труда и жадность к агротехнике. В первом вопросе мы с вами немного разобрались, а разберемся во втором вам поможет агроном района Москаленко.

Я с интересом вглядывался в агронома Москаленко. Он рослый, широкоплечий, лицо его загорело дочерна, а волосы и густые брови выгорели. Особенно сильно выгорели брови, и белые кусты их забавно торчатся над светлыми веселыми глазами. Это темное лицо с естественно светлыми глазами и бровями невольно напоминает фотонгапы.

Москаленко держит в руках телефонную трубку и кричит в нее:

— «Красное поле!» Дайте «Красное поле!» Алло, «Красное поле!» Это я — Москаленко! Гектары? Ага! Центнеры? Иней в виду, поехали вниз на три десятка! Причины? Ага! Значит, сегодня выравниваете? Ну, завтра проверю! Пока!

Он опускает трубку и говорит мне:

— У нас такой обычай, как только увидели, что в колхозах обмолот с одного гектара пошел вниз, так — раз на место!

Галина НИКОЛАЕВА,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»

Приезжаешь и, как правило, обнаруживаешь потери зерна при уборке. Вчера приехали в один из колхозов — видим, комбайн неспарен, берет нечисто, сбор колосьев не организован. Поднажали и сразу вырвали цифру. Цифра — она большое дело, если к ней подходить оперативно.

В течение всего моего разговора с Москаленко то и дело входили люди с разными неотложными делами, и Федор Денисович тут же быстро и оперативно решал большие и малые вопросы, а в промежутках между делами говорил со мной:

— Жадность к агротехнике — это вам Сероштан правильно сказал, и лучше не скажете! Новаторский дух, поиски лучшего, любовь к эксперименту — вот что характерно для 1949-го! Приезжаешь на поле, колхозники обступают: «Федор Денисович! А что, если так попробовать?», «Федор Денисович, а если так сделать?». То, что в прошлом году устно испробовали в одном колхозе, нынче переиспытывают десятки других. Всего и не перечислишь — тут и мульчирование, и рыление, и сгущенный сев, и опрыскивание конюхи с помощью бечвы, и переопыление подсолнухов. О таких вещах, как правильные севообороты, как пахота с предпосевником, я и не говорю. Это уже закон!

Для Москаленко и для многих колхозников артельные поля уже не просто поля севооборота, а своеобразная экспериментальная мастерская, работающая в тесной связи с успешными Кубанской опытной станцией. Москаленко так и говорит:

— В колхозе «Красное поле» у меня заложен опыт с переопылением подсолнухов.

И он говорит правильно. Это именно опыт, с оставлением контрольных участков, с точной обработкой полученного цифрового материала, с научно обоснованными выводами.

От курганских хлеборобов не отстают и механизаторы. Когда оказалось, что присланные из Краснодарского края сеялки для суглинистого сева вылохот перед собой землю и не заделывают семян, курганские механики сами сконструировали и сматериали укороченную сеялку из двух обычных. Когда понадобилось приспособление для гнзельно-бороздового сева, старший механик МТС Матузалин сделал приспособление стоимостью всего в 11 рублей и дающее хорошие результаты.

Будь ни глянешь, всюду видна ищущая, пытливая мысль, всюду радостное и нетерпеливое движение вперед.

Семидесятилетний звеньевой лесного звена Семен Иванович Романович смотрит на безграничную степь выцветшими и мягко светящимися глазами и задумчиво улыбается. Неторопливо и ласково падают слова:

— Преобразование природы в нашем колхозе мы проводим согласно государственного плана.

Может быть, только ради того, чтобы услышать эту фразу Семена Ивановича, стоило ехать за сотни километров в кубанский колхоз «Красное поле»!

— Преобразование природы — сколько раз читала я в газетах и книгах эти слова, сколько раз слышала на собраниях и совещаниях, но никогда еще не звучали они с такой силой, никогда еще не облеклись в такую живую плоть, как сейчас, когда их произнес старый колхозник из далекой хуторской сельхозартели. Он говорит о преобразовании природы задумчиво, как о деле радостном и близком, почти

В МИРЕ СОВЕТСКОЙ НАУКИ

Реконструкция водной фауны

Советские ученые реконструируют фауну морей, озер и рек. Разработаны теоретические основы и методы акклиматизации и искусственного разведения наиболее ценных промысловых рыб — осетровых, лососевых, сельдевых, карповых, окуневых. Труды наших ученых по систематике рыб, их биологии, зоогеографии заняли ведущее место в мировой науке.

Исследования проводятся во всех рыбопромысловых бассейнах. Наука уже во многом помогла рыбной промышленности. Так, в водоемах Западной Сибири появились балхашский сазан. В прудовых хозяйствах Европейской части СССР успешно разводится амурский сазан. Акклиматизированы чукотские и дальневосточные сити в озерах Армении, Грузии, Урала. Недавно пересажены в Сыр-Дарью более миллиона оплодотворенных икринок каспийской сельди.

Крупный народнохозяйственный интерес представляет работа по обогащению фауны Каспийского моря. В частности, к озеру, севернее, белуге, сельдям прибавилась кефаль. Эта весьма важная в промысловом отношении рыба водилась у нас только в Черном и Азовском морях, а один из видов ее — на Дальнем Востоке. Более трех миллионов мальков азово-черноморской кефали, переселенных в Каспийское море, превратились в промысловые стада.

Ученые успешно работают и над повышением кормовых запасов Каспийского водоема, пополняя состав мелких беспозвоночных организмов, служащих основой пищевой рыб, новыми для Каспия видами.

Находки Хорезмской экспедиции

Сейчас, как сообщали корреспонденту «Литературной газеты» во Всесоюзном научно-исследовательском институте морского рыбного хозяйства и океанографии (ВНИРО), ведутся исследования биологии размножения и методики искусственного разведения ценных рыб в сложных условиях водного режима низовий рек, на которых строятся крупные гидротехнические сооружения.

Климат лесных полос

Гигантские лесные заслоны, насаждаемые в степных и лесостепных районах, призваны переделывать прежде всего их климат: защитить посевы от губительных суховея, уменьшить испарение влаги, предотвратить выветривание почвы, понизить колебания температуры воздуха и почвы. Для изучения влияния лесных насаждений на местный климат Главное управление гидрометеорологической службы при Совете Министров Союза ССР организовало специальные научные наблюдения.

В районе Каменной степи, например, создается гидрометеорологическая обсерватория, которая будет исследовать климат в условиях ползучих насаждений. Кубанская геофизическая обсерватория реорганизуется в агрометеорологическую. Ее назначение — исследование влияния лесных полос на рост, состояние и развитие сельскохозяйственных культур в Поволжье. Центральные научно-исследовательские учреждения Главного управления гидрометеорологической службы составили климатическое и гидрологическое описание трасс государственных лесных полос. Эти материалы положены в основу их проектирования.

12 сентября — двадцатилетие со дня смерти Я. Райниса

13.000 рукописей, заметок, писем

РИГА. Музей Я. Райниса пополнил свои экспозиции новыми экспонатами. Собрано все творческое наследие классика латышской литературы: 13 тысяч его рукописей, заметок, писем. Здесь же хранятся многочисленные записки воспоминаний о Райнисе.

Большой интерес у посетителей музея вызывают книги из личной библиотеки поэта: «Манифест Коммунистической партии», изданный в 1882 году в Женеве, первое издание труда Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции», томик Пушкина, Державина, Горького, Райниса, сборники переводчиков горьковского «Буревестника» на латышский язык, много работ над переводами пушкинских и лермонтовских произведений.

Последние годы своей жизни Райник почти безвыездно проводил в Майорте, где жил и скончался в доме № 7 по Александровской улице. В этом доме открылся филиал музея. Первым этажом отданы под выставку «Райник в Японии и скульптура», комнаты второго этажа полностью восстановлены в том виде, какой они имели при жизни поэта.

На родине поэта

ГРИВА (Латвийская ССР). Илукстский уезд — родина выдающегося латышского поэта-революционера Яниса Райниса. В центре города Гривы у шоссе — дороги расположен трехэтажный дом. Это — школа, в которой с 1875 по 1878 год учился поэт. В годы немецкой оккупации школа была разрушена. Трудящиеся города восстановили ее и дали ей имя своего великого земляка.

Еще в юности поэт мечтал о том времени, когда культура придет в самые отдаленные уголки Латвии. Мечты эти осуществила советская власть. Чертами нового отмечена и родина поэта, в недавнем прошлом захолустное местечко. Сегодня Грива — благоустроенный, культурный город. Здесь построена электростанция, открыт Народный дом, библиотека.

Жители города Грива готовятся широко отметить исполняющееся 12 сентября двадцатилетие со дня смерти классика латышской литературы. Уездная библиотека открывает выставку его книг. Кружки художественной самодеятельности разыскивают отрывки из писем и стихов Райниса. В день годовщины в Гриве и колхозах Илукстского уезда состоится вечера памяти поэта.

Народные таланты

Из кружков художественной самодеятельности — в консерватории

Минувшим летом преподаватели Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского провели в двадцати областях РСФСР и Украины смотри вокалистов, на которых были отобраны кандидаты для зачисления в этот крупнейший музыкальный вуз страны. Многие из них — дети рабочих и колхозников, обладающие прекрасными музыкальными способностями — участники художественной самодеятельности.

В среднеазиатских республиках были отобраны, по примеру прошлых лет, студенты для национального отделения Московской консерватории. Среди слушателей отделения — представители многих национальностей. Нынешней осенью сюда принята новая группа будущих певцов, композиторов, дирижеров.

Всего в Московскую консерваторию зачислено 165 человек. На первый курс вокального факультета среди других приняты слесарь Тамбовского инструментального завода А. Лазарев, колхозник из Сумской области А. Жила, сержант военной охраны М. Дуза (Киев), сын рабочего Коломенского паровозостроительного завода имени Куйбышева участник Великой Отечественной войны В. Филиппов, студентка Златоградского педагогического института Л. Борисова. На национальное отделение зачислены слесарь Ташкентского завода имени Кагановича И. Халимов, сын колхозника сельскохозяйственной артели «Большевик» Джумгаловского района, Тянь-Шаньской области, киргиз С. Медстов и многие другие.

Проведенный Московской консерваторией отбор вокалистов вполне оправдал себя, — сказал корреспонденту «Литературной газеты» начальник Главного управления учебных заведений Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР Е. Северин. — Такие же смотри осуществили Государственный музыкально-педагогический институт имени Гнесиных, Ташкентская, Кишиневская и Горьковская консерватории.

В нынешнем году консерватории получили большое пополнение — свыше тысячи одаренных юношей и девушек. Всего в двадцати консерваториях страны и в Государственном музыкально-педагогическом институте имени Гнесиных сейчас обучается более шести тысяч студентов.

По Советскому Союзу

ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

◆ Москва. Стипендия имени А. Н. Радищева утверждена для студентов филологических факультетов Московского и Ленинградского государственных университетов и Пензенского педагогического института имени Белинского. Размер стипендии 400 рублей в месяц.

◆ Ереван. 60 книг на армянском языке для детей школьного возраста выпущено с начала года Армянское государственное издательство. Среди них произведения классиков и современных армянских и русских писателей. До конца года школьники республик получат еще 40 книг.

◆ Сталино. Выставка книг на тему «Шахтеры в борьбе за выполнение послевоенной пятилетки» и «Донбасс в художественной литературе» открылась в областной библиотеке имени Н. К. Крупской. На выставке широко представлены также книги мастеров угля, рассказывающих о своем опыте работы.

◆ Рига. Словолития Латвийского полиграфического треста изготовляет шрифты на 28 языках народов СССР и на многих иностранных языках. Недавно выполнен большой заказ для типографии Московского энергетического института, Ленинградского государственного университета и политехнического института. В отпавленных для этих вузов комплектах, помимо русского шрифта, — литеры греческого алфавита и материал для набора сложных математических таблиц.

НОВЫЕ СЕЛЬСКИЕ КЛУБЫ

В селах страны идет большое клубное строительство. На территории одной только Российской Федерации в 1949 году сооружается свыше 2.000 сельских и колхозных клубов. (В предыдущем году по 32 областям, краям и автономным республикам их было построено 1.340). Большинство клубов строится на средства и средства колхозников.

Массовое клубное строительство предъявляет серьезные требования к архитектору и инженеру. В связи с этим проведено несколько всесоюзных и республиканских конкурсов на лучшие проекты клубных зданий. Недавно закончился новый конкурс на составление эскизных проектов сельских клубов для РСФСР, Украины и Белоруссии. В нем участвовало около тысячи авторов. Колхозники и сельская интеллигенция прислали большое количество ценных практических предложений.

Жюри остановило свой выбор на 32 проектах клубных зданий шести различных типов, не требующих сложных строительных конструкций: каменных и деревянных с зрительными залами на 100, 200, 300 и 400 мест. В каждом проекте клуба предусмотрены помещения для библиотеки, читален, лекционных аудиторий, комнаты для кружковых занятий.

Среди авторов премированных проектов — архитекторы Москвы и области, Киева, Ростова и других городов.

Новые эскизные проекты позволяют создавать в селах свои варианты клубных зданий, наиболее полно отвечающие местным строительным и художественным традициям.

Хороши поля в пору жатвы. На тогах — горы зерна. По полям идут комбайны. Переполненные хлебом грузовики мчатся к элеваторам.

В полевых таборах по вечерам песни колхозниц: большой урожай — на душе весело.

Но вот притих бригадный стан колхоза «Магистрострой», — сюда из районного центра, села Александровского, приехал доктор, преподаватель сельхозинститута Коваленко.

Любит его колхозники и встречают, как самого желанного гостя. Сегодня они слушают лекцию о происхождении вселенной.

Слушают с увлечением, потом доктор задает множество вопросов. Ответы толковы и убедительны. Но, странное дело, доктор обходит вопрос о «третьем небе», о том небе, куда совсем недавно религия вознесла некоторых колхозников из соседней артели.

Пусть читатели не примут его сообщение за шутку. Несколько колхозников Александровского и смежного Новоселовского района, Ставропольского края, решили возвестить на небо.

Произошло это следующим образом. Годы полтора назад житель села Александровского Георгий Белымов послал очередного прихода эпископа объявил, что он сподобился сошествия на него святого духа.

Белымов создал секту, но высшее сектантское начальство в Москве отказалось признать ее из-за некоторых черт явного изуверства, входящих в сумасшедшую догматику Белымова.

Белымов «проявлял» труд, брак и деторождение. Проявлял грамотность. Детям посвященных он под страхом проклятия запрещал ходить в школы. Особым ритуалом детей и подростков обязал забыть буквы.

Из полевых бригад колхоза «Рабочий» в селе Китаевском к началу весеннего сева ушли несколько колхозников, они уехали своих детей, отказались от огородных участков, отказались от какой бы то ни было работы и засели дома.

Как же вы собираетесь жить на земле? — спрашивали белымомовцы. — А мы не собираемся жить на земле, мы уйдем на третье небо...

В начале мая белымомовцы ликвидировали все свое имущество — продали и роздали соседям домашний скот, птицу, утварь, продовольственные запасы, одежду, порвали письма и фотографии.

— Давать пятого мая мы возносимся на небо, — объявил белымомовцы. В назначенный срок группа детей, стариков и старух, налегке, без лишнего багажа, расположилась под каменистым бортиком в тени акаций. Бедные от страха подростки целовали землю, прощались с ней.

Белымомовцы сидели под забором, морили себя голодом и жаждой, ждали вознесения, которое, как объявил «пророк» Белымов, должно было совершиться в срок с 25 мая по 15 июня.

Прошло две недели. Люди начали изменять от голода и жажды. А вознесения все не было.

Белымов тем временем просто сбегал. Наступили дни школьных экзаменов, и однажды учитель начальной школы хутора Горного Василий Терентьевич Шербаков бросился отыскивать двух своих учениц-отличниц Машу и Валю Черненко. Выяс-

Иван ЕГОРОВ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

нилось, что девочки «возносятся» вместе со своей матерью Дарьей Черненко. Отец девочек колхозник Николай Черненко был в отчаянии.

Жена с ума сошла, улетает на «третье небо» и девочек с собой тащит, заморив их голодом, приказала забыть буквы. И никакого сладу нет с женой, говорит, что она больше не жена, а святая...

Черненко и Шербаков обратились в нарсуд, который вынес решение: лишить Дарью Черненко материнских прав, детей поручить заботам отца — Николая Ленивича Черненко.

Так и было сделано. Но в ближайшую же ночь «святая» Дарья Черненко похитила девочек и скрылась с ними в степи.

...Мы сидим на крыльце сельсовета села Китаевского. Мои собеседники — председатель сельского совета Атафонов, секретарь сельской партийной организации учитель Минаев и учитель школы хутора Горного Шербаков — рассказывают подробности нелепой затеи мракобесов.

Я слушаю, и все это кажется мне дурно сочиненной сказкой, а не всамделишной историей, которая так недавно разыгралась на этих унылых, осененных могучими акациями и беломостой.

Сегодня китайские «вознесения» работают в поле. Днем они трудятся, а по ночам вместо отдыха изнурав себя радением — криками, воплями в хате без огня с наглухо закрытыми окнами.

Об этом знают агитаторы и пропагандисты двух районов, знают райкомы партии и райисполкомы, знают органы народного образования, знают райкульпросветотделы. Знают все, но конфузливо молчат.

Изверг калечит сознание трудовых людей. А наши культпросветработники и просветители молчат, они как бы не замечают разрушительную деятельность белымомовцев. Почему?

Беседуем на эту тему с М. Юрченко, заведующей культпросветотделом Александровского райисполкома. Да, она слышала, знает кое-что о странном происшествии в селе Китаевском. Но Юрченко «не имеет установок», не знает, следует ли на эту тему вести беседы в колхозах, следует ли в лекциях о мироздании, о солнечной системе, о строении земли и других «случайках» до диких заблуждений белымомовцев и говорить о них конкретно.

Почему же не следует? Почему не противостоят дикарской пропаганде освещающую научно-политическую пропаганду? Почему не называть конкретных проповедников тьмы их полными именами? Откуда такая «стеснительность» наших пропагандистов?

— Церковь отделена от государства... «В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школы от церкви...» (статья 124-я Сталинской Конституции).

По белымомовцам бесцеремонно ворвался в школу и нарушил закон о всеобщем обязательном обучении. Как мы выяснили в Ставропольском крайоне, в не-

которых школах Александровского и Новоселовского районов имеются факты отсева учащихся.

Сколько их уведено «вознесениями»? Ничто не подсчитано. Ничто не приняло мер к возвращению Маше и Вале Черненко. Решение советского суда остается невыполненным. Простая человеческая гуманность требует, чтобы оно немедленно было выполнено. Надо спасти от изуверов других детей в хуторах и селах Александровского и Новоселовского районов. Но, как мы имели случай убедиться, общественные организации и органы советской власти этих районов не борются с безобразными явлениями.

«...ясное умаление социалистической идеологии, явное отстранение от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной» (Ленин).

Это написано крупными буквами на красных полотнах, вывешенных в помещениях отделов народного образования. Но задумываются ли над смыслом этих словные районные руководители, примеренчески относящиеся к фактам вроде ниже-

следующих. Заведующий школой № 5 села Малая Джалга, Апанасенковского района, Ткаченко взялся вести канцелярию общины верующих, а заодно и дела родительского комитета. Родительский комитет он связал с церковной канцелярией, и теперь невозможно понять, где кончается церковная община, где начинается школа и кем регламентируется ее жизнь. Не понять, где же здесь частная жизнь Ткаченко и как отыскать в нем признаки советского учителя?

У нас есть свои стадионы, площадки, водные станции и гимнастические залы. Только за текущий весенне-летний сезон построено и восстановлено 87 сельских стадионов, более 1200 спортивных площадок, 250 гимнастических городков, водных станций и бассейнов. Все это строится самими колхозниками, без затрат государственных средств, красиво и прочно.

В дни народных торжеств излюбленными видами развлечения сельской молодежи становятся массово-спортивные игры, соревнования по народной борьбе, велосипедные гонки, конные скачки.

23 тысячи шахматистов из числа сельских физкультурников приняли в этом году участие в соревнованиях по шахматам и шашкам. Более 10 тысяч сельских оспаривало первенство в поднятии тяжестей. 6 тысяч соревновавшихся борцов вышло на ковер.

Для колхозной молодежи физическая культура и спорт — не только культурный отдых. Колхозники связывают свои трудовые успехи со спортом, физической закалкой.

Нередко встретишь сейчас в поле тракторный вагончик, возле которого отдыхая смена трактористов занимается на турнике, лестнице, пристроенной у вагончика, или поднимает гри, метает диск.

Вот другая, характерная для наших дней картина. Когда-то пруд, омывающий село Ятукунское, ничего, кроме неприятностей, не приносил местным жителям. Летом вода покрывалась тinou, зарастала камышом. Пруд был рассадником малярии. Сейчас пруд опущен, берега обсажены фруктовыми деревьями, построена водная станция с вышкой для прыжков, бассейном, причалом для лодок. Колхозники проводят часы своего отдыха на пруду, разучивают правила академической гребли, прыжков с высоты, игры в поло, соблюдают нормы ГТО по плаванию.

В ближайшее время на лучшим сельском стадионе одного из передовых районов области состоится вторая традиционная спартакиада сельской молодежи Винничина. Соберутся 5 тысяч лучших физкультурников, прошедших отборочные со-

конками, систематически приписывався западным ученым.

Советские люди ведут борьбу с этим обывательством нашего культурного и научного наследия. Мы активно добиваемся восстановления истины, торжества справедливости. Поэтому особенно странно читать в книге, изданной в 1948 году Госполитиздатом, неверные, приносящие русскую науку утвреждения.

С. ПОДСКРЕБАЛИН

Открытое письмо председателю президиума Центросоюза тов. И. С. Хохлову

Хочется напомнить вам, товарищ Хохлов, как растет культура наших украинских сел, как на колхозной Подолки следом за массовой электрификацией растет огромный спрос на книгу, радио и кино, возрастает тяга к физической культуре и спорту.

Приведем несколько примеров. За один год в колхозах Винничинской области создано 1300 спортивных коллективов, которые объединяют 175 тысяч трактористов, конюхов, доярков, звеньевых и бригадиров. По их предложению и настоянию создано и работает новое спортивное сельское общество «Колхозная нива». А всего в нашей области регулярно занимается спортом свыше 500 тысяч трудящихся.

В один из весенних дней мы проводили спортивный смотр-парад: одновременно на 135 районных и сельских стадионах показывали свои спортивные достижения 530 тысяч человек.

У нас есть свои общественные инструкторы по народной борьбе, вело- и конному спорту, стрельбе, легкой атлетике и гребле, свои мастера-разрядники, судьи и тренеры.

У нас есть свои стадионы, площадки, водные станции и гимнастические залы. Только за текущий весенне-летний сезон построено и восстановлено 87 сельских стадионов, более 1200 спортивных площадок, 250 гимнастических городков, водных станций и бассейнов. Все это строится самими колхозниками, без затрат государственных средств, красиво и прочно.

В дни народных торжеств излюбленными видами развлечения сельской молодежи становятся массово-спортивные игры, соревнования по народной борьбе, велосипедные гонки, конные скачки.

23 тысячи шахматистов из числа сельских физкультурников приняли в этом году участие в соревнованиях по шахматам и шашкам. Более 10 тысяч сельских оспаривало первенство в поднятии тяжестей. 6 тысяч соревновавшихся борцов вышло на ковер.

Для колхозной молодежи физическая культура и спорт — не только культурный отдых. Колхозники связывают свои трудовые успехи со спортом, физической закалкой.

Нередко встретишь сейчас в поле тракторный вагончик, возле которого отдыхая смена трактористов занимается на турнике, лестнице, пристроенной у вагончика, или поднимает гри, метает диск.

Вот другая, характерная для наших дней картина. Когда-то пруд, омывающий село Ятукунское, ничего, кроме неприятностей, не приносил местным жителям. Летом вода покрывалась тinou, зарастала камышом. Пруд был рассадником малярии. Сейчас пруд опущен, берега обсажены фруктовыми деревьями, построена водная станция с вышкой для прыжков, бассейном, причалом для лодок. Колхозники проводят часы своего отдыха на пруду, разучивают правила академической гребли, прыжков с высоты, игры в поло, соблюдают нормы ГТО по плаванию.

В ближайшее время на лучшим сельском стадионе одного из передовых районов области состоится вторая традиционная спартакиада сельской молодежи Винничина. Соберутся 5 тысяч лучших физкультурников, прошедших отборочные со-

конками, систематически приписывався западным ученым.

Советские люди ведут борьбу с этим обывательством нашего культурного и научного наследия. Мы активно добиваемся восстановления истины, торжества справедливости. Поэтому особенно странно читать в книге, изданной в 1948 году Госполитиздатом, неверные, приносящие русскую науку утвреждения.

С. ПОДСКРЕБАЛИН

ревнования на районных спартакиадах, ожидается, как в прошлом году, до 15 тысяч зрителей и гостей.

Знаете ли вы, товарищ Хохлов, что нам, руководителям областных спортивных организаций, легче собрать и обучить полумиллионную армию физкультурников, чем ее одеть и обути в спортивную форму, оборудовать и оснастить наши стадионы и площадки, водные станции и гимнастические залы? За майкой и трусами, бутами и мячами, сетками и штангами руководителю колхозного спортивного коллектива приходится ехать в город, посылать гонцов с заявками и просьбами в Киев и Москву.

Дело в том, что ни один магазин на селе не торгует спортивным инвентарем. А в Виннице, областном центре, спортивный магазин продает лишь магазин «Динамо», обслуживающий в первую очередь членов своего спортивного общества.

Можно ли допустить, чтобы сельская потребительская кооперация оставалась равнодушной к тем изменениям, какие произошли в деревне, не откликнулась на новые запросы населения! Такая оторванность от жизни села и неперспективность потребительской кооперации тормозит рост культуры села.

Нельзя мириться с тем, тов. Хохлов, чтобы огромная армия сельских спортсменов испытывала острую нужду в необходимом снаряжении. Начинается спортивное соревнование, а на футбольное поле выхлещет нападение в кирзовых сапогах, а сеткой у футбольных ворот, — пусть это не вызовет у вас улыбки, — нередко служат куски рыболовного невода. Легкоатлеты выходят на беговую дорожку босиком или одни бегут, а другие жгут ошереки, когда освобождаются талошки или ботинки. Вместо аккуратного легкого турника — тяжелая железная перекладина, вместо удобного металлического диска — тарелка, сделанная из вагонного буфера.

А все это — сетки, мячи, спортивное оборудование и снаряжение, — нам думается, в достатке выпускает и может выпускать наша промышленность. И нет никакой нужды извозить все это нам самим, затрачивая излишнюю энергию и большие средства. А мы пока вынуждены этим заниматься, выполнять обязанности потребительской кооперации, потому что она упорно отмахивается от возросших потребностей колхозного села. Даже не желает торговать книгой. Спрос на художественную литературу, специальную техническую и агрономическую, физкультурные справочники — огромен. Но сельские кооператоры до сих пор смотрят на книгу, как на «неходовый» товар.

Оторванность потребительской кооперации от жизни, от новых замечательных коммунистических явлений в деревне становится препятствием на пути культурного роста советского села.

Б. ГВОЗДЕВ, председатель Винничинского областного комитета по делам физкультуры и спорта.

Ф. ДАХНОВСКИЙ, председатель совета общества «Колхозная нива».

ВИННИЦА

«Почему задерживаются учебники?»

В связи с опубликованными в № 58 «Литературной газеты» корреспонденциями «Необъяснимое спокойствие» и «Почему задерживаются учебники?» сообщаем: Данную в указанных корреспонденциях критику недостатков в деле снабжения национальных издательств необходимыми материалами для выпуска учебников считаем своевременной и правильной. По некоторым учебникам так называемые чистые листы, сигналы и карты были отпущены национальным издательствам с опозданием, так как Упедгиз с опозданием подписывал эти учебники к печати.

Несмотря на значительные трудности, в течение 1949 года Упедгиз обслужил 33 национальных издательства, по заказам которых было изготовлено и отослано 450 копий редакционных рукописей, такое же количество сигнальных экземпляров для сверки, около 32.000 различных иллюстраций, 4.200 текстовых и 4,5 миллиона экземпляров цветных карт к учебникам географии и истории. Свои социалистические обязательства помощи национальным издательствам Упедгиз выполнил.

Однако, от ряда национальных издательств и по сей день поступают новые заказы. Сейчас Упедгиз принимает ряд организационных мер с тем, чтобы упорядочить и наладить снабжение. В этом большом политическом деле Упедгиз ждет немедленной помощи всех организаций, заинтересованных в обеспечении работы национальных издательств.

Начальник Упедгиза РСФСР А. ПЕРЛОВСКИЙ

«Альманах и жизнь»

В Воронеже состоялось собрание членов и кандидатов Союза советских писателей, посвященное обсуждению статьи «Альманах и жизнь» («Литературная газета» № 60). Писатели признали справедливыми основные положения статьи.

В альманахе «Литературный Воронеж» мало еще появилось подлинно художественных произведений о созидательном труде нашего народа, о сегодняшней жизни Воронежской области, превратившейся за годы советской власти из «оскудевающей губернии» в цветущий, изобильный край.

Редакция альманаха не сделала еще всех выводов из той критики, которой была подвергнута работа воронежской литературной организации на страницах «Правды» в 1947 г.

В то же время участники обсуждения отметили, что в 1949 году Воронежское отделение Союза советских писателей и редакция альманаха стремятся привлечь внимание писателей к народнохозяйственным проблемам родного края. Были организованы лекции и консультации о преобразовании природы, о ближайших перспективах Воронежской области. Писатели выезжали в творческие командировки. Сейчас большинство из них возвратилось из своих поездок и работает над новыми произведениями.

Бездушная отписка

20 августа в «Литературной газете» (№ 67) было опубликовано письмо З. Платковской «Петеринские равнодушные к судьбе двух детей». Автор письма сообщила, что в Гомеле в очень плохих жилищных условиях живут двое детей-сирот. В 1947 году в комнату, принадлежавшую родителям детей, временно вехала некая Е. Ф. Пархомчик, которая отказалась затем вернуть сиротам принадлежавшую им по праву жилищплощадь.

В народном суде 5-го участка Гомеля, куда поступило заявление с просьбой выслать гр-ку Пархомчик, дети не нашли защиты. Решение народного суда было обжаловано в областной суд. Он постановил переслать Е. Ф. Пархомчик в отдаленную комнату детям. Но так как дело требовало Верховный суд БССР, исполнение решения областного суда приостановлено.

Автор письма — отец детей — справедливо выражал недоумение по поводу того, что судебные органы на протяжении нескольких месяцев никак не могут решить судьбу сирот.

На письмо З. Платковской редакция получила официальный ответ из Управления Министерства юстиции по Гомельской области. Этот документ украсил столь уникально-замысловатой подписью, что невозможно установить, кому она принадлежит — то ли начальнику управления Сянькову, то ли его заместителю.

Но дело, однако, не в подписи. Она лишь выдает этот, хоть и пространный, но невразумительный ответ.

Из ответа Управления явствует, что ослушку детей З. Платковская якобы обжаловала перед Верховным судом БССР... решение Гомельского областного суда. Тот же самое решение, по которому, как известно, комната была предоставлена детям! Далее из ответа можно понять, что Верховный суд БССР оставил в силе решение народного суда 5-го участка Гомеля. А потом вдруг говорится, что «никто детей не выселяет с прежней, занимаемой ими жилищплощадью».

Позвольте сослаться автору документа: ознакомился ли он с содержанием дела? Разве речь шла о том, что сирот выселяют? Отнюдь нет! Речь шла о том, что надо переселить гр-ку Пархомчик. Следовательно, чиновники из Управления Министерства юстиции по Гомельской области даже не удостоились внимательно прочитать письмо З. Платковской.

Заканчивается ответ Управления фразой, которая, как нельзя лучше, характеризует «стиль» всего письма.

«Таким образом, — говорится в документе, — чтобы отменить определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда БССР от 9 августа 1949 г. может только Верховный суд Союза ССР».

Столь же безграмотно, сколь и бюрократично!

Редакция «Литературной газеты» надеется, что Министерство юстиции СССР укажет руководителям Гомельского управления на неуместность формальных и бездушных отписок на жалобы трудящихся. Что же касается жилищного дела детей-сирот вопроса о комнате, то несомненно, что он будет справедливо разрешен в Верховном суде СССР.

СТРАННАЯ ОШИБКА

Письмо в редакцию

В прошлом году Госполитиздат выпустил «Письма о «Капитале» Маркса и Энгельса». В книге имеется указатель имен, составленный редакцией. На 323 странице можно прочесть такие строки: «Майер (Мауер) Юлиус Роберт (1814—1878) — врач, физиолог; открыл закон сохранения и превращения энергии — 261».

Даже пионером теперь известно, что честь открытия закона сохранения энергии принадлежит не Майеру, а великому русскому ученому Михаилу Васильевичу Ломоносову.

В течение многих лет рабобезустовые перед иностранщиной классификаторы от науки замалчивали работы русских ученых, приписывая все наши достижения западноевропейской науке. Приоритет в открытиях, сделанных нашими соотечествен-

никами, систематически приписывався западным ученым.

Советские люди ведут борьбу с этим обывательством нашего культурного и научного наследия. Мы активно добиваемся восстановления истины, торжества справедливости. Поэтому особенно странно читать в книге, изданной в 1948 году Госполитиздатом, неверные, приносящие русскую науку утвреждения.

С. ПОДСКРЕБАЛИН

Р. САМОЙЛОВ

Непроторенными путями

До последнего времени в некоторых исторических учебниках и пособиях тема «Россия и революция 1848 года» рассматривалась крайне узко и однобоко. Выходило, что активную роль в событиях того времени играл только паризм — жандарм Европы, падавший венгерской революцией, на долю же представителей переломной демократической России оставались лишь отголоски на то, что происходило на Западе.

Автор нового исследования А. С. Пифонтов с самого начала отказывается от этой глубоко ошибочной схемы. Он стремится проникнуть в глубь событий, его внимание сосредоточено на внутренних процессах, происходивших в это время в России. «Революция 1848 г., — пишет он, — сыграла роль своего рода катализатора, обострившего на определенном этапе социальные противоречия в самой России, которые порождены были всем ходом ее исторического развития» (стр. 146).

Такой единственно правильный подход требовал и соответствующего построения работы и привлечения нового круга источников. Первое место среди них занял архив неизвестного III отделения, обладавшего разветвленной сетью «совсемителеев».

Книга начинается с сжатого (быть может, чересчур сжатого) анализа хода капиталистического развития страны и нарастающего внутреннего кризиса николаевской империи. Затем автор подробно выясняет обстановку, сложившуюся в России в 1848 году: сильнейший неурожай, эпидемия холеры и опустошительные пожары, связанные с засухой, в тот год больше обычного обострили пужду и бедствия

крестьянских масс. В связи с этим резко поднялось массовое антикрепостническое движение. Оно охватило 27 губерний.

Многочисленные документы, представленные в книге, красноречиво свидетельствуют о том, что парк и помещики боялись в 1848 году крестьянского восстания.

В свете множества данных, приведенных в книге, особенно очевидна необоснованность некоторых укоренившихся представлений о России 1848 года как о стране, которую «не затронул революционный пыл» (а именно так писалось еще несколько лет назад). Теперь уже, говоря о России этого периода, невозможно ограничиваться приведенными в книге отголосками передовых русских людей на европейскую революцию, как это делал, например, автор школьного учебника по новой истории проф. А. Ефимов. И, конечно, неверно высказывать все многообразие событий сороковых-пятидесятых годов — крестьянские волнения, рост революционного движения — в одну, именующуюся «Париж — жандарм Европы» (как это сделано в другом школьном учебнике — «История СССР», часть вторая).

Мы видим, что Россия не стояла в стороне от общего исторического движения. Взгляды русских революционеров-демократов не были простым отзвуком европейской революции. Борьба народных масс в самой России — вот первейший, самый глубокий источник развития передовой русской общественной мысли, в том числе и критического осмысления ею опыта Европы.

Сорок лет назад, разоблачая жгучую и гнусную «идею» вековой, что русская революционная демократия была «интеллигентской сектой», Ленин с гневным сарказмом писал: «Или, может быть, по мнению наших умных и образованных авторов, настроение Белинского в письме к Гоголю не зависело от настроения крестьянских крестьян? История нашей публицистики не зависела от возмущения народных масс остатками крепостнического

гнета?» В этих словах заключена целая программа научных исследований для советских историков, занимающихся изучением России XIX века.

Хотя А. Пифонтов и не удалось детально проследить внутреннюю связь, существовавшую между идейным развитием революционеров-демократов и нарастающим массовым крестьянским движением, но и то, что он сделал, полностью подтверждает ленинскую мысль.

Прежде всего это относится к странникам, посвященным «петрашевцам», деятельности которых, безусловно, не может уместиться в назуманную формулу «русские фюреры». В центре горячих дебатов петрашевцев стояло внутреннее положение России, ее судьбы, возможности ее демократического преобразования. Характерно, что из нее соборный кружок Петрашевского в 1849 году (содержание которого известно по доносам агентов) только одно было посвящено Фурье (традиционный вечер в день его рождения). Нельзя не согласиться с А. С. Пифонтовым, что «петрашевцы» — это нечто большее, чем простая «кружок», что они были частью более широкого нарождающегося движения национальной интеллигенции. Они материально следствия по их делу связаны «люди крайней меры с несколькими сотнями имен» (стр. 164).

Не менее важны новые черты, которыми отмечена (еще в самом начале своего) деятельность петрашевцев. Петрашевцы были несравненно ближе к народу, чем их предшественники — декабристы; наиболее радикальная часть петрашевцев прямо связывает свои революционные планы с народным восстанием и делает первые попытки развернуть широкую агитационную деятельность.

Книга А. Пифонтова бьет по либерально-буржуазным воззрениям, представляющим фигуру Белинского однойкой, искусственно замкнутым его в рамки «западничества». Пет. Белинский не был одинок! Наиболее ярко, полно предвосхищая будущее, он выразил то, что уже зарождалось в настоящее. Жалко только, что, идя по правильному пути, Пифонтов не сумел до конца отделиться от терминологии либеральной историографии и применить в ряде мест к Белинскому и Герцену наименование «западники». Следова-

ло рече и последовательнее провести демократическую линию между формирующимися, под могучим воздействием народного движения, революционно-демократическим лагерем и лагерем либерально-буржуазным (в котором уживались, несмотря на словесные распри, и консерваторы-славянофилы и либеральные «западники»).

Винничинская политика царской России рассматривается автором в неразрывной связи с внутренним положением страны. Царизм, по словам товарища Сталина, был опаснейшим врагом революционного движения в Европе. Известно, что уже при первых известиях о февральской революции 1848 г. во Франции царь помышлял об интервенции в Европу. А. Пифонтов законно ставит вопрос: что же помешало Николаю привести в исполнение свои агрессивные планы немедленно, почему он отложил их осуществление на год с лишним?

Основная причина, — показывает автор, — была в необходимости для царя и помещиков в 1848 году прежде всего позаботиться о своей собственной безопасности. Недаром столь же воинственно настроенный, как и сам Николай, его ближайший советник Паскевич уже в конце февраля 1848 г. говорил в узком кругу сановников о «безопасности внешних с нашей стороны действий, о большей необходимости охранять внутреннюю спокойствие» (стр. 220). Да и планы Николая в 1848 году предельно ограничивались использованием армии, как полудемонстративной, именно в тех районах страны, где намечался подъем массового движения.

Только в 1849 году, когда царизму удалось раздвинуть основные очаги крестьянских волнений в пограничных губерниях, когда на Западе также усилилась реакция, Николай, заручившись молчаливой поддержкой «демократической» Англии («С Лондоном мы в ладах», — писал царь Паскевичу), смог бросить свою армию на революционную Европу. Но безоговорочно за тыл не осмелился его и тогда: правительство специальным законом запретило открытие новых предприятий в Москве, дабы сократить количество рабочих (!); накануне объявления манифеста о походе в Венгрию лихорадкой, по первым дознам, производился аресты петрашевцев и т. д.

А. Пифонтов делает вывод, который, безусловно, должен быть учтен и при оценке событий 1848 года в целом: «Народные массы и лучшие представители русской интеллигенции... усилием борьбы с самодержавно-крепостническим режимом Николая I в 1848—1849 г. активно участвовали в общем революционно-освободительном движении народов Европы, укрепляя силы революции. Они осознали замыслы немедленного подавления европейского революционного движения при его зарождении коалицией феодальной монархии и наотню держали осуществление контрреволюционной интервенции паризма» (стр. 315).

Большого разрозненное и темное в массе крестьянство и революционно-демократическое движение той эпохи сделать не могли. Царская армия раздвинула венгерскую революцию. Но сердца русских солдат и передовых демократически настроенной офицерства были на стороне свободолюбивых венгров. Недаром один из осведомителей III отделения, наблюдавший движение русской армии в Венгрии, с трепетом доносил, что он «никогда еще не заметил, дабы храброе российское войско было в таком унижении...» (стр. 128).

Книга А. Пифонтова не лишена недостатков. Она перегружена цитатами из документов, которые иногда затрудняют чтение. Не всегда проводится четко необходимая дифференциация в «показателях» свидетелей, принадлежащих к разным политическим лагерям. Автор подчас злоупотребляет выражениями «русские образованные люди», «русская интеллигенция» и т. п., без уточнения классового положения этих людей. Хотелось бы, чтобы больше места было отведено в книге анализу идейного, теоретического содержания русской общественной

Проза писателей-сибиряков

С. КОЖЕВНИКОВ

Александр Максимович Горький сказал на Всесоюзном съезде писателей: «Нам необходимо обратить внимание на литературу областей, особенно Восточной и Западной Сибири, вовлечь ее в круг нашего внимания, печатать в журналах, газетах, учитывать ее значение, как организатора культуры».

Литература Сибири заслуживает большого внимания. В разное время писателями-сибиряками созданы книги, ставшие широко известными советскому читателю: «Бронепоезд 14-69» В. Иванова, «Прано-нарушители» Л. Сейфуллиной, «Золотой ключ» Анны Каравасовой, «Огнеупор» Н. Чертовой и другие.

Сибирь — это алтайский хлеб и кузнецкий уголь; Сибирь — это горная Шория, это Саяны, это Хакасская и Кузнецкая степи, это Нарымская тайга, это Забайкалье.

Гордость Сибири — Кузбасс. Это сравнительно «небольшой» по сибирским масштабам «включок» земли: километров 250 в длину, километров 100 в ширину. Но зато, как богата кузнецкая земля! Здесь уголь, железная руда, марганец, свинец, золото, серебро.

Изобразить Кузбасс — важная задача сибирских писателей. И они уже приступили к ее осуществлению. Писатель Александр Володина написал роман «Земля Кузнецкая», родившийся из живых наблюдений писателя и его участия в жизни шахт Южного Кузбасса, где молодой литератор после демобилизации работал корреспондентом областной газеты. В центре романа — борьба за новый производственный подъем на кузнецкой шахте «Классическая». Шахта эта выполняет и даже подчас перевыполняет план, она давно и прочно на хорошем счету, но ее руководство успокоилось на достигнутом. Начальник шахты, поддерживаемый кое-кем из оставшихся инженеров и техников, с неприязнью встречает всякое предложение, направленное на улучшение работы шахты. Стахановское движение сведено на шахте к одиночному рекорду отдельных забойщиков. Шахта работает рынками, штурмовщина возведена здесь в систему. Против этого резко и решительно выступает инженер-проектировщик Рогов. Решающей же он дает на торжественном собрании, посвященном вручению шахте переходящего Красного знамени. Это одна из наиболее сильных сцен в романе, действие которого развивается чрезвычайно напряженно и стремительно. Рогов с неутомимой честностью анализирует работу всего коллектива шахты, показывает цену ее успехов: «... на шахте триста двадцать забойщиков, а нормы выработки только две двадцать один. Стахановскую же выработку дают всего сорок человек... Они, первые люди, первые работники за тех, кто живет по посылке: «день проводить — пень колотить». На собрании происходит знакомство Рогова с новым парторгом шахты Бондарчуком, который решительно поддерживает инженера-новатора. Их требовательной и действенной дружбе посвящены лучшие страницы романа. Вместе они начинают борьбу за резкий подъем в работе шахты.

В эту борьбу вовлекается весь коллектив, широко изображенный молодым писателем. Упорно завоевывает право называться стахановской молодежная комсомольская бригада вчерашних выпускников ФЗО. История превращения недавних учеников в квалифицированных кадровых рабочих дает писателю возможность убедительно показать, как партия и комсомол воспитывают молодое поколение рабочего класса.

Центральный образ романа — инженер-проектировщик Рогов — наибольшая удача автора. Ярко показан партийный подход Рогова к решению любой технической задачи. Рогов как командир и руководитель производства всецело убеждает читателя. Однако натянутой, неестественной представляется линия его отношений с Валей Евтховой — его будущей женой. Здесь много неясных намеков, которые, появившись и создав минутное напряже-

ние в сюжете, дальше не развиваются и не разъясняются. Вообще в построении сюжета подчас проявляется недостаточное умение молодого писателя. Одна из самых напряженных глав романа изображает аварию в шахте, аварию, которая разоблачила порочный стиль старого руководства. Страницы, посвященные раскату заведенного в шахте техника Дубинцева, читаются с большим напряжением. Однако его спасают благодаря чистой случайности. Один из членов молодежной бригады, балагур и затейник Митенька, ударив из шахты на два часа раньше гудка, выбрался через старый заброшенный шурф. Бригада вынесла ему выговор и едва не выгнала его из своего коллектива. Теперь Митенька вспоминает про свой потайной ход и проводит через него спасателя и Дубинцева. Разумеется, это нарочитая сюжетная натяжка. Получается, что Дубинцев спасен только потому, что Митенька прогулял часть смены. Это тем досаднее, что в главных сюжетных линиях писатель проявил уже достаточное умение.

В романе Володина чувствуется хорошее знание действительности. Молодому писателю удалось широко обобщение, удачные образы, в которых читатель узнает типичные черты новаторов послевоенной стальной пятилетки.

Наряду с Кузбассом внимание сибирских читателей по праву привлекает Южно-Сибирская железнодорожная магистраль — самое крупное железнодорожное сооружение нынешней пятилетки. А. Коптелов написал интересную повесть об изыскателях трассы Южсиба. Трасса изыскивалась в жестокие дни сражений с немецким фашизмом.

«Теперь, во время войны, мы обязаны думать о будущем мирном времени... Наш долг сегодня готовить то, что спросит с нас завтрашний день», — говорит герой повести инженер Кожухов... Кончилась война, вернется наша пятилетка. С нас спросит проляки трассы, чертежи, рабочие планы».

Этой самоотверженной работе изыскателей, отпавших во имя будущего, во имя послевоенной пятилетки не только все свои силы, но даже и жизнь, посвящена повесть Коптелова. Интересна литературная история этой повести. В ее основу лег дневник инженера А. М. Кожухова, найденный в тайге, год спустя после героической гибели изыскательской партии. Основываясь на этом волнующем человеческом документе, писатель создал самостоятельное и значительное литературное произведение. Повесть начинается ярко и сильно написанной сценой, когда уже обессиленные и голодные изыскатели, спускаясь на плоту через опасные пороги, продолжают глазмерную с/емку трассы. «Они не думали ни о скалах, о которых может разбиться плот, ни о том, что их ожидает за крутым поворотом реки... Олбанин, распухший пальцами, слегка прикрытыми обрывками перчаток, они держали карандаши и торопливо заносили в тетрадь все, что замечали на берегу...»

На многих страницах повести проходит сознательная полемика с Джеком Лондоном.

«Мы теперь вроде его героев...» — говорит один из изыскателей.

«Не люблю я твоего Лондона, — отмахнулся Гоша, но пригрозился спорить... — Джека Лондона читал в оригинале и бросил».

«Напрасно. Он показывает сильных людей. Суровый север, а они идут и идут — не сгибаются».

«Сильные, но походят на бандитов».

«Многие. Помнишь эпиграф: «Ибо нет закона, ни божьего, ни людского, к северу от пятидесяти третьей». Зачем мне такие герои?»

В каких бы отчаянных положениях ни оказывались герои повести А. Коптелова, — а положения эти таковы, что перед ними

оставались бы самые смелые из героев Джека Лондона, — они попрежнему подчиняют все свои поступки высшим законам советского общества: верности Родине, верности долгу, верности коллективу.

Главный герой повести Кожухов, подобно своему прообразу инженеру Кожухову, ведет дневник. После гибели своих товарищей, уже поняв, что и ему не пробиться к людям, он делает последнюю запись: «Плиту последний раз... Вероятно, сегодня замерзну». И в этот последний трагический момент, делая последние мучительные шаги, Кожухов пытается замерзшими пальцами сделать еще одну запись в тетрадь о месте, в котором болту строителя трассы придется рубить полку в скале. В предсмертные минуты ему видится уже построенная железная дорога и слышатся отдаленные паровозные гудки.

Повесть, главные герои которой гибнут, при всей своей суровости — оптимистична и жизнеутверждающа. Ее оптимизм в торжестве того будущего, во имя которого отдал жизнь Кожухов и его друзья. Однако это интересное произведение не лишено серьезных недостатков. Бледно написаны образы спутников Кожухова. Рядом со своим волевым и сильным начальником они подчас кажутся вполне неумелыми и неудачливыми. Не верится, чтобы опытный изыскатель взял с собой таких не приспособленных к тяжелым испытаниям помощников. Много фальшивого и неубедительного в изображении любви Кожухова и Калиткиной. Если сцены борьбы с тайгой написаны точно и свежим языком, то здесь преобладают слова банальные, не выходящие с мужественными образами Кожухова и Надежды Петровны. Надежда Петровна рассказывает Кожухову о трагедии, постигшей ее: о гибели горячо любимого мужа, о том, что она хочет сохранить верность его памяти. Кожухов, прилипаясь к ней, пытается ее утешить, целует ее. «А может, я не разделила бы... — умахнулась она, ириво смеясь густые, изогнутые ресницы». Этот эпизод «гнриво» режет слух, как фальшивая нота. Подобных примеров «психологической неграмотности» можно привести немало.

Надуманной представляется сцена нападения бандитов на лагерь экспедиции. Эти недостатки серьезно портят повесть А. Коптелова.

Сибирь — край контрастов. Герои А. Коптелова плывут по дикой горной реке, идут сквозь тайгу в мороз и стужу. В повести Алексея Кожевникова «Живая вода» дышит зноем Хакасская степь. Везде безудельную степь, выжженную солнцем и ветрами, присылает директор совхоза коммуниста Лелеху. В совхозе в полях горят хлеб, ветер выворачивает деревья с корнем, люди бегут из совхоза. — За что тебя сюда загнали? — спрашивает Лелеху его жена. Но интуитивный, беспокойный, упорный Лелеха не теряет ее. Он берет рабочих совхоза вместе с семьями на опытную станцию орошаемого земледелия. Показывает своим сотрудникам, убеждает их, что в их бесплодной степи могут вестись сады. В совхозе строят плотину, копят воду. «Фантазер» Лелеха, как прозвали его в степи, чтобы не упустить ни капли воды, зимой искусственно намораживает ее, создает ледник, который, медленно тая летом, орошает поля. Степь зеленеет, совхозный сад впервые начинает вестись. Это цветение читатель воспринимает, как торжество науки, как торжество упорного труда советских людей, которые побеждают всюду — и у Полярного круга и в знойной Хакасской степи.

Мы остановились на трех произведениях, которые нам кажутся наиболее интересными. То, что сделали писатели-сибиряки для художественного воплощения событий, происходящих в нашем краю в послевоенное время, для создания образов советских людей, идущих к коммунизму, — только начало. Не все эти книги написаны на достаточно высоком художественном уровне. «Шире, братики, берите, — глубже заглядывайте, ведь Сибирь страна с большими горизонтами», — призывает сибирских писателей А. М. Горький. Этот призыв в наши дни звучит с еще большей требовательностью и силой.

Учиться ли у Маяковского?

Семен КИРСАНОВ

На страницах «Литературной газеты» выступил критик Ир. Пятляр со статьей «Плоды стилизации», направленной против творчества молодого поэта Георгия Горностая. Впрочем, критик предостерегительно вымазал свое жало в приторной татоме похвал. По его словам, Георгий Горностай — «поэт одаренный», «мы не ошибемся, пожалуй, назвав его поэтом талантливым», точит критик мед из-под жала. Ир. Пятляр даже возмущается тем, что в печати появилась «разносная» статья Д. Данина, «которая уничтожала поэта».

В чем же дело? Чем недоволен критик Ир. Пятляр?

Оказывается, «поэт стоит на принципиально ошибочных творческих позициях». Он, видите ли, стремится, — и это принципиально ошибочно, — «воспроизвести внешне, формальные особенности поэзии Маяковского». Замечу походу — критик почему-то никак выскока не называет художественный метод Маяковского, его поэтические принципы «внешними» особенностями, лиризмами и т. д. Критик сурово осуждает Горностая за «стилизацию» в духе В. Маяковского, однако судит молодого поэта тем же больше выгоды, «чем скорее поэт откажется от своей упрямо отстаиваемой позиции».

Ба! Знакомые слова! Мы уже однажды слышали те же упреки, те же посулы. Не кто другой, как Д. Данин, упрекал Г. Горностая за его «обдуманную позицию» следования Маяковскому. Мне тогда пришлось выступить в защиту прав поэта на развитие поэтических принципов В. Маяковского (см. «Путанные поучения критика Д. Данина» — «Культура и жизнь», 31 октября 1948 года). Ир. Пятляр явно повторяет Д. Данина в методах анализа (выхватывание из текста отдельных строк — якобы подражательных), в аргументах и выводах, в сентенциях и советах.

Критик благосклонно похлопывает молодого поэта по плечу, приговаривая: «Замысел новой его поэмы «Кремлевские звезды» по сравнению с поэмой «Гула» «еще интересней и шире». Одно не правится критику. Не правится, что творчество молодого поэта похоже на творчество Маяковского. Вот это и есть «принципиально ошибочная творческая позиция» Горностая. А то же, что на Маяковского похоже...

Продержавшаяся наша критика методов сопоставления выхваченных строк, плохо пришлось бы и нашим «художественно самостоятельным» поэтам от Ир. Пятляр! Интересно, какая участь постигла бы, например, стихи П. Тихонова, в которых немало сходства со стихами А. Блока. Что стоит взять, например, строки Блока — «черный ворон в сумраке снежном, черный бархат на смуглых плечах» и сблизить их со строчками Н. Тихонова — «черный шелк твой плечи сковала», «черный шелк, как беззвездная ночь». А сблизив, обвинить Н. Тихонова в стилизации, в подражании, в пародировании А. Блока. Однако это не делается. Н. Тихонов, сам собой разумеется, не пародирует, а следует А. Блоку, его художественному методу. Этим и объясняется наличие в последних книгах Н. Тихонова множества совпадений с блоковскими интонациями, настроениями, красками и звучаниями. Другое дело — плодотворно ли сейчас сардонить Блоку? Но это не дает права критику обвинять Н. Тихонова в стилизации. Или, что проще? Можно взять строфу М. Исаковского:

День погожий. Тихо. Сухо.
Предвечерний час.
На крыльце сидит старуха
И ждет рассвет.
Сопоставить ее со строфой И. Никитина:
Ночь и непогода. Избушка
Плохо толема.
Нитки белая старушка
Сунт у окна.

А сопоставив, нет ничего легче, чем объявить М. Исаковского эпитомой И. Никитина. Но это было бы неверно. Михаил Исаковский в своем творчестве продолжает поэтическую традицию Ивана Никитина, развивает художественный метод этого

видного представителя крестьянской поэзии. Манера письма М. Исаковского нам кажется его принципиальной позицией, а не случайным совпадением. Другое дело, что можно спорить по поводу той или иной поэзии.

В нашу поэзию приходит молодежь, начинающая писать на основе поэтических принципов Маяковского. Ученичество — законный этап на пути к мастерству, к самостоятельному творчеству. Ничем это не кажется удивительным. По ведь ясно, что самые смелые индивидуальности развиваются на основе преемственности. Стих Лермонтова вначале казался подражанием Пушкину. Совпадения даже мысли, темы, строфы. Но какой могучей величии стал Лермонтов, развивая пушкинский стих! Пушкинский стих оказался не только собственностью самого Пушкина, но и достоянием всей нашей поэзии, ее классической формой.

Точно так же и стиху великого Маяковского ныне суждено стать достоянием всей нашей поэзии, стать ее новой классической формой. Эта форма вобрала в себя весь опыт предшествующего ей развития русского стиха. Мы говорим: стих Маяковского — это пушкинский стих сегодня! Такова сила выразительности этого стиха, такова степень согласия этой формы с содержанием и духом социалистической эпохи! Но, нет! Попытки развития стиха Маяковского объявляются стилизацией, пародией. Кто это пытается «воспроизвести внешне, формальные особенности поэзии Маяковского»? Чур! Чур!

Не ясно ли, что корень спора не столько в Горностое, сколько в Маяковском?

Ир. Пятляр, повидимому, склоняя к софизмам, тем ближе, мол, к Маяковскому, тем дальше от него же! Маяковский-де влияет на нашу поэзию помимо «внешних, формальных признаков». Нет, уважаемый критик, давайте уже не раздувать содержание с формой! Содержание и форма поэзии Маяковского слиты в неразросторком единстве, и если говорить о традициях и принципах Маяковского, то обязательно и о его поэтике.

Что стремится доказать Ир. Пятляр? Беречь неприкосновенность развития поэзии, поэтики Маяковского. Она так и говорит: «Горностай пытается воскресить композицию, синтаксис, ритмы и рифмы Маяковского, но, естественно, приходит при этом к совершенно противоположным результатам». Так и напечатано — «естественно». Ир. Пятляр тщится доказать естественность провала всякой попытки воскресить (буто она умрала!) поэтику Маяковского, то есть превратить в жизнь застывшее великое поэта коммунизма:

все, что я сделал, все это ваше —
рифмы, темы,
диалекты, бас!

Мы же убеждены — поэтика Маяковского продолжается в созданных его последователях. Поэтика Маяковского есть и будет естественной классической поэтикой нового общества, а соревнования «хороших и разных» советских поэтов покажет ее преимущество и в будущем.

Конечно, Г. Горностай не с легкостью овладевает этой могучей поэтикой. Немало у него и срывов и нечеткостей, композиционных слабостей — он еще ученик за партией в классе Маяковского. Но ученик, влюбленный в учителя, верящий ему, стремящийся овладеть многосторонним мастерством. Он стоит в своем творчестве, только-только начинаем, на принципиальной позиции — он следует классическому стиху советской эпохи. Он убежден, что этот стих наиболее способен выразить наши идеи, наши чувства, передать жизнь советского общества. И то, что Ир. Пятляр обвиняет стилизацией, — на деле есть применение оправданных себя художественных принципов, заложенных в произведениях нашего великого поэта. Сходство стиха Г. Горностая со стихом Маяковского — принципиальное. Такое сходство молодых поэтов с Маяковским надо отстаивать во имя будущего нашей молодой поэзии. И не случайно молодежь приняла по сердцу поэму Горностая, не случайно отметили их и «Комсомольская правда» и «Смена» и «Молодой большевик».

Воя о «стилизации», о «подражании», критику вроде Ир. Пятляр скрывает то новое, самостоятельное, свежее, что Горностай создает сам в плане поэтики, основанной Маяковским. Почему скрывает? Да потому, что показать это свое, самостоятельное в стихах Горностая — для критиков вроде Ир. Пятляр значило бы признать, что поэтика Маяковского открывает огромные перспективы для развития самостоятельных поэтических индивидуальностей. А ведь они, эти критики, наперобь стремятся доказать, уверить молодежь, в том, что Маяковский-де полагает всякую другую индивидуальность, что все попытки «воскресить» его композицию, ритмы и пр. «естественно» обречены на неуспех, ведут к творению лири, к стилизации и т. д.

«Кремлевские звезды» Г. Горностая — творческая удача молодого последователя

поэтики Маяковского. Горностай пишет интонацией ее копирует. Напротив, пользуясь могучим интонационным богатством нового стиха, он говорит своими живыми интонациями. Он любитதை, в его стихах видна жалость — уважать, рассказывать о делах советских людей. Описания его очень точны, картинны:

Домна только что с иголки.
Встала, поблещенлась.

Это самостоятельно, и в то же время этому научил Горностая Маяковский. Да, ритмы, рифмы, новые виды композиции, способы построения образа объединяют ученика с учителем, но способность видеть и изображать у молодого поэта уже своя, особая. Из наблюдения на мосту (где «Моска-река доброй уходит будто в будущее...») возникает заключение поэмы:

Время мчит на гибель Черчиллям,
Кремлевские куранты
деят каждый час на четверти.
Они аккуратней!
Позовит, возьмут
помощник
и снова вызовит —
она пятнадцатый минут
ближе к коммунизму.

Здесь Горностай дает одновременно и звучание и зрительный образ слова Спасской башни. И тут же нам становится ясно, что изобразительно-музыкальная форма строфы порождена мыслью. И вся строфа вытекает из своей убедительной силы, верой в приближение коммунизма — минуты за минутой! Эта убедительность достигается в конце поэмы Маяковского. Почему же не ратовать нам успеху ученика великого поэта, почему же не ратовать плодотворности учены у него?

Горностай не к выспренним и явным чувственным прикрасам, а к выбору наиболее значащих деталей жизни. Вот почему так как возмущает описание работы перхолозов на башнях Кремля, снимающих защитные покровы с рубликовых звезд. Ценнейшие детали жизни доносят Г. Горностай своими стихами: стройка домы, первая плавка, разведка угля у Шат-речья, довая шахта — подземный дворец, где «славы вернутой в каждый угол...» Он вводит нас в рабочую семью, там — «да тубоче стойкой броньей завоиной партийной шпиды». Простая женщина, жена рабочего, говорит о коммунистическом будущем простыми словами, из которых видно, что идея коммунизма владеет сердцами простых людей, как насущная необходимость! Люди показаны естественно, без напыщенного-театрального пафоса. И во всем этом Горностай своеобразен. Подобное своеобразие было бы невозможно для Горностая без нового стиха. Такому своеобразию — глубоко советскому, революционно-новаторскому — учит молодого поэта Маяковский.

А Ир. Пятляр требует от Горностая: «Откажись! Критику, может быть, не ясно, что отказываясь Горностай от своих принципов — это отказываясь и от единственно верной для него творческой перспективцы — быть в числе продолжателей великого новатора. Критику, может быть, неясно, что отказавшись молодым поэтам в праве следовать за Маяковским — это отказавшись Маяковским в творческом бесчестии, в продолжении, в будущем. Мы и растолковываем Ир. Пятляр, что ее критический жесток выразит всяды тех рутинеров, которые требуют сейчас возврата к старому, «стабильному» стиху, считая поэтику Маяковского временным, «переходным» явлением первых революционных лет. Не застарелый ли это шлонок об «однородности» Маяковского? По одному же оказалось необычайно долговечным! Это подтвердят и «уважаемые товарищи поэты».

Лучший, талантливший поэт советской эпохи вел всю свою жизнь тяжкую и упорную борьбу за свои поэтические принципы. «Каждую минуту приходится отстаивать те или иные революционные литературные позиции, бороться за них и бороться... е коньство...», — говорил Владимир Маяковский в Доме комсомода Красной Прессы 25 марта 1930 года. Он агитировал за свою поэтику и практикой и теоретическими выступлениями. Он мнил о том же учеников вокруг себя. Он относился к своей поэтической практике, как к школе коммунистической поэзии, искал новые для нас вещи, для будущих начинающих. Оборотист открытия Маяковского, его принципы, его художественные методы, объявить эпитомой, стилизацией, пародией следование им — значило бы ладито задержать прогрессивное развитие нашей новой социалистической поэтики. Вот почему мы говорим молодым поэтам:

— Не отказывайтесь от Маяковского, учите у него и глубокую идею и новую классическую форму, бесстрашно пройдите и ищите там, где лежал и находится он, лучший и талантливший поэт советской эпохи!

От редакции. Печата в дискуссионном порядке статью С. Кирсанова, редакция предлагает читателям высказаться по существу вопроса, поднятого в статье Ир. Пятляр «Плоды стилизации» («Литературная газета» № 68) и С. Кирсанова «Учиться ли у Маяковского?»

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

♦ Одесса. 470 рассказов, очерков и стихов поступило на литературный конкурс, объявленный одесской областной газетой «Большевикские знамя». Подальнее большеинство авторов — рабочие, колхозники, сельская интеллигенция, впервые ввязавшиеся за литературное творчество. Лучшие рассказы и очерки газета печатает на своих страницах. При редакции организован литературный кружок.

♦ Ташкент. Здесь объявлен конкурс на лучшие романы, повести и массовую песню, посвященные росту Узбекистана за годы советской власти. Установлено двадцать пять денежных премий.

♦ Андижан. «Подарок андижанцев» — так называется альманах, который готовят писатели Андижанской области к 25-летию Узбекской ССР.

♦ Кировоград. Пионеры и школьники Кировограда, по примеру своих юных дру-

зей из заполярного города Игарки, решили создать книгу, которая расскажет о прошлом города, боюх и трудовых подвигах кировоградцев. В адрес городского комитета комсомода уже начали поступать дневники, рассказы, стихотворения юных авторов.

♦ Харьков. В селе Пешенги организован группа молодых литераторов. Президиум Харьковской организации писателей принял решение оказать группе творческую помощь. Молодые литераторы будут приглашены в Харьков на заседание президиума, где они расскажут о своих творческих замыслах.

♦ Кировоград. Пионеры и школьники Кировограда, по примеру своих юных дру-

КРЕПНУЩИЙ ТАЛАНТ

Вадим ЛУКАШЕВИЧ

Из шести рассказов Олеса Гончара, недавно опубликованных в библиотеке и журнале «Огонек», четыре — «Весна за Моравой», «Модры Камень», «Илонка» и «Горы поют» — посвящены последнему году войны; в них читатель видит те же места и живет в то же время, что и в трилогии «Знаменосцы». Два остальных рассказа — «Соседи» и «Пороги» — написаны позже. В них Олесь Гончар говорит о жизни и труде людей послевоенной украинской деревни.

Рассказы военных лет своеобразны. Поэтически, взволнованные, заражающие этим волнением читателя, они яро передают настроения советских воинов-освободителей в незабываемый год победы. Как друзья народов, как спасители от фашистского порабощения, проходят советские войска венгерскими, словацкими, чешскими землями; проходят Рудными горами, где «звенит сухая весна, гудит железный дуб на склонах, и выматые камни смеются солнцу»; перебираются через Мораву, садятся отдохнуть на весеннюю «спергипшую землю, которая, казалось, играла, брехала под ними в глубинах, словно заправленная дрожжами и хлемам»; идут под голубым небом Сент-Иштвана, расстилавшимся над «кружевом плантации, над желтым живьем, над разбитыми немецкими танками, что еще кое-где одиноко топчат на полях... Далеко слева темнеет могучая гора в пятнах мушкетиров».

С какой волнующей силой передана в рассказах «Илонка» и «Модры Камень» дружба освобожденных народов с воинами-освободителями! Навсегда запомнится Тереза из «Модры Камень», незабываема сцена из «Илонки», когда все насе-

ление Сент-Иштвана с колымаги и дрожжами кидается искать в густых виноградниках фашистского последнего, который ранит советского сержанта Лешакова.

Эти рассказы проникнуты радостью победы и освобождения, они vibrруют от переполюющего автора волнения, они звучат почти как стихи, как эмоциональная лирическая песня. В сущности, рассказы «Горы поют» — это стихотворение в прозе. Но в них нет свойственной прозе и, в частности, классическому украинскому и русскому рассказу тремерности изображения, индивидуальной обрисовки характеров. В своих военных рассказах Гончар еще много говорит от себя. В конце концов, старшина Гумениш из «Весны за Моравой», сержант Лешаков из «Илонки» и рядовой боец Светлячий в рассказе «Горы поют» — это один и тот же человек. В золотом сиянии победы, мужественные, честные, со следами былых ранений, добродушные и вместе с тем суровые, они проходят перед читателем, как в строю. — не успеваешь увидеть каждого в отдельности. Романтическая приподнятость, лирическая взволнованность лиризма автора зоркости: он не наблюдает, он поет и заставляет поеть вместе с ним.

«Лета к суровой прозе влесте...», — писал Пушкин. В послевоенных рассказах талант Олеса Гончара мукает. В «Соседях» и «Порогах» перед читателем уже возникают тремерные, живые люди. Трезвее и крепче стали рассказы, Гончар не утратил ни поэтичности, ни лиричности, ни живого ощущения природы. Но спуске и выразительнее стали его образительные средства. Рассказ «Пороги» начинается так:

«Пароход шел вниз по Днепру. Упрямый ветерок нес ему навстречу пресную свежесть большой воды...»

Сказано просто и точно. И читатель уже чувствует и эту свежесть и этот ветер: читатель уже на пароходе.

В рассказе «Соседи» автор знакомит нас с председателем колхоза «Червоный лан» Анисимом Артемювичем в тяжелой для него минуту: победитель в соревновании — соседний колхоз «Дипрельстан» — отбирает красное знамя. Анисим Артемювич провожал глазами победителей: «...стоял, стобрившись, как беркут, тяжело опираясь обими руками на трибуну».

Защекляя победу, председатель «Дипрельстана», Петро Гасанчук, разводит речь в плавах. Слово в наשמку, он привозит победному соседу мешочек гриса «на кашу». «Анисим Артемювич сгорал от злости». Человек умный, он у себя в колхозе посади рис, да мало того, — «в наполненные водой рисовые чехи он напустил зеркальный карна». Теперь уже Гасанчук приехал к нему с просьбой поделиться опытом.

«... Вы слышите, девчата? — обращается Артемич к своим колхозницам. — Курсанты приехали! Прочтите-ка им лекцию. Научите, как надо выращивать не голую кашу, а кашу пополам с рыбой!»

По мере того как развивается рассказ, все живее, все ярче выступает фигура Анисима Артемювича — волевого, властного, неутомимого, деятельного и по-юношески страстного в речах и действиях. В отношении Анисима Артемювича к Гасанчку много соперничества, мальчишеского злорада и даже неприязни: что ж, и в старике нередко еще живет мальчишка. Поздним вечером он шумит у себя дома:

«Дожи! В своей хате критикуют. Так критикуют уже и за то, что в танках и колхозах не раз'езжаю, потому что мой выдвинул в поле, как проклятые, работало... Где уж мне тягаться с Гасанчуком!.. Офицер, «клатоничево», гвардии! А я что? Сапер с двумя лычками! Мотсы ему строил — и только... Он еще и сейчас красными кашками сверкает, белые поворотнички каждый день подшивает, а я за работой и картуз не соберусь себе купить».

И вот уже читатель видит, как живо, но только Анисим Артемювич, но и его соперника — гвардейца Гасанчука,

Олесь Гончар. «Горы поют». Рассказы. Библиотечка «Огонек», издательство «Правда», 1949 г. 28 стр.

Олесь Гончар. «Пороги». Рассказ. «Огонек» № 27, июль 1949 г.

Нас не устрашат!

27 августа мир получил новую возможность убедиться в том, на какие чудовищные преступления способны американские реакционеры-фашисты, обреченные звериной ненавистью ко всем сторонникам мира и прогресса.

Бесчинства фашистов в Пиксвиле, явившихся туда, чтобы линчевать всемирно известного певца и борца за мир Пола Робсона, вызвали гнев и возмущение всей передовой общественности США. Пламя ковра, на котором фашисты предавали огню книги прогрессивных писателей и тексты свободных песен, — это позорное пятно было жажжено Уолл-стритом. Кровавыми бликами заиграло оно на куполе Белого дома! Именно там, в Вашингтоне и Нью-Йорке, проживают истинные вдохновители этой чудовищной провокации, магнаты «60 семейств» и их послушные лакеи-палачи.

Помещенный в газете «Дейли уоркер» от 30 августа и печатаемый нами сегодня отчет писателя Говарда Фаста — отчет о событиях в Пиксвиле.

видца и участника событий — рассказывает о том, что произошло в Пиксвиле. С каким великодушным мужеством, с какой стойкой выдержкой четыре десятка смельчаков — белых и негров, — впервые встретивших друг друга, крепко взявшись за руки и преградив путь тысячному отряду двуногих фашистских зверей, жаждавших крови не в чем не повинных людей!

Случай в Пиксвиле в высшей степени показательный. Он наглядно свидетельствует о том, что штурмовые отряды американской реакции не в силах устоять перед гневом, волей, единством тех, чье имя — народ!

И сейчас каждый подлинный друг прогресса и демократии во всем мире шлет горячий привет и ободрение честным людям Америки, которые вместе с Робсоном, Фастом и другими отважными борцами за мир бросают прямо в лицо реакции гордые и уверенные слова: «Нас не запугает! Свобода — наша борьба!»

Поскольку у нас избран председателем митинга-концерта с участием Пола Робсона, я прибыл к месту назначения за час до начала. Мой автомобиль был предпоследним, который организованная толпа фашистов пропустила к площадке. Я употребил термин «фашисты» не случайно. Подъехав к площадке, я увидел около 40—50 фашистов, сидящих в машинах, а еще несколько сот стояло у площадки. Везшая на площадку, я заметил у входа примерно 10 юношей и девушек — представителей конгресса борьбы за гражданские права. Я проехал на машине четверть мили и остановился не далеко от места, где должен был происходить концерт и где уже было расставлено около 2 тысяч стульев. В этом месте собралось около 150 человек, среди них много молодежи, детей и женщин. Мужчин было не более 50, причем сюда входили и молодые ребята.

Через несколько минут после моего приезда один юноша сообщил нам, что фашисты начали нападение и дорога основательно блокирована. Ребята и мужчины — примерно около 25 человек — побоялись выехать, где они обнаружили двойное ограждение. Одно было устроено с помощью грузовика, принадлежавшего «Американскому легиону», а другое было сделано из камней. В то время как мы стояли у выхода, 300 фашистов начали против нашей небольшой группы первую атаку. Двое наших юношей получили серьезные ушибы. Нападавшие в основном состояли из мужчин в возрасте от 35 до 50 лет. Большинство из них были пьяны. В одном из их руководителей мы опознали известного пиксвилского предпринимателя.

В этот момент появились три шерифа. Кроме трех агентов министерства юстиции, спокойно наблюдавших за происходящим, эти три шерифа были единственными представителями полиции, которых мы видели в течение следующих двух с половиной часов. Три шерифа вступили в спор с фашистами, однако, все их действия были направлены против нас и в поддержку фашистов. Мы создали три линии обороны, а девушек отослали обратно к тому месту, где должен был происходить концерт. Мы встали поперек дороги. Всего нас было 42 человека, и мы разделились на семь групп по шесть человек в каждой во главе с руководителем. Наши группы состояли наполовину из белых, наполовину из негров, наполовину из молодых ребят и наполовину из взрослых мужчин.

Вторая атака была предпринята примерно 300 фашистами. Они использовали против нас камни, палки, ножи и дубинки. Они все время кричали: «Никто из нас не уйдет отсюда живым!». Это был их главный лозунг; к этому они добавляли: «вы пришли сюда, но не уйдете отсюда», «мы — сторонники Гитлера и должны завершить его работу», «мы собираемся поймать Робсона». При отражении второй атаки четверо из нашей группы были ранены, но оставались на своих местах. Мы отступили на 20 ярдов к узкой части дороги и решили держаться здесь. Вскоре с того места, где должен был происходить концерт, нам сообщили, что десяток фашистов напал на женщин и детей. Одну группу в составе шести человек мы направили туда и сказали им, чтобы они попросили шерифа грузовика, который привез детей, подвести грузовик к дороге с тем, чтобы при помощи его устроить на дороге нечто вроде ограждения. Через несколько минут появились грузовики, и мы поставили его поперек дороги, а сами в три ряда встали перед грузовиком, взявшись за руки.

Теперь фашистов было уже около 500, и в следующие полчаса они напали на нас дважды, и все же им не удалось нарушить наших ряды. Они буйствовали и повторяли угрозы о том, что никто не уйдет отсюда живым. Во время этих двух атак они сломали ограду и использовали палки в качестве оружия. Они зашли на площадку крест длиной в 12 футов. Три девушки негритянки сообщили нам, что нападение на другую нашу группу было отбито. Мы посадили девушек в грузовики. Необходимо отметить, что большинство угрозы и актов насилия было направлено против негров, находившихся в наших рядах. Было ясно, что любому негру, если бы он был схвачен фашистами, грозила смерть, однако ни один из негров не оставил нас, ни один из них не нарушил наших рядов. Они проявили мужество и вели себя дисциплинированно.

Фашисты начали атаковать наши ряды с другой стороны. Они стали бросать в нас камни. Мы стояли, держась за руки, и пели: «Свобода — это наша борьба, нас не сломить!». Один из брошенных камней попал прямо в лицо моему парню. Часть людей продолжала держаться, хотя у нескольких человек из ран на голове текла кровь, некоторые из раненых не выдержали. Таких мы перенесли в грузовики. Через несколько минут мы поняли, что большинство из нас выйдет из строя и тогда фашисты смогут свободно напасть на женщин и детей. Теперь нас было только 20, остальные были ранены; трое было поручено добраться, воспользовавшись тем, что губернатор Дьюи и потребовать, чтобы власти обезопасили фашистских насилиевиков.

Мы решили потихоньку откатить грузовик назад и присоединиться к горстке людей, которая находилась у места, где должен был состояться концерт. Но грузовик увезли. Тогда мы — 20 человек — направились к месту, где должен был происходить концерт. Нас криками преследовала тысяча фашистов. Недалеко от места концерта мы остановились, и к нам присоединились еще десяток людей.

Мы отразили нападение фашистов. Это звучит странно, но это действительно было так. Фашисты, насчитывавшие тысячу человек, были не очень храбры в темноте.

После 9 часов мы образовали полукруг у места, где должен был состояться концерт. Женщины и дети находились внутри, а мужчины и ребята — внешней стороны. Один помощник шерифа выключил свет, намеренно помогая фашистам. Однако они боялись нападать на нас в темноте. В течение следующего получаса мы стояли в тесном кругу и пели песни: «Знамя, усеянное звездами», «Благословит бог Америку», «Солидарность всегда». В аккомпанемент нашему пению фашисты разожгли костер и начали жечь наши книги и сборники песен. Они стояли вокруг костра, поглядывая себе вкось непристойные вещи, ломали и бросали в огонь стулья.

Позже мы узнали, что полиция штата находилась на главной дороге с 8 часов, однако на место происшествия она прибыла только после 9 часов 45 минут. Перед этим появились три представителя министерства юстиции и сказали, что они могут доставить в больницу серьезно раненых. Проезду их машины не препятствовали. Два наших парня, которые были ранены в голову, уехали с ними.

С 10 часов воцарилось спокойствие. Сотни фашистов исчезли, как привидения. Полиция штата взялась наводить порядок, теперь она была услужлива и была готова оказывать всяческую помощь. Наши люди продолжали хранить спокойствие, группами полицейские увозили их с площадки на машинах. Через полчаса после полуночи площадку покинул наш последний автомобиль.

В заключение я хочу выразить благодарность 36 лицам, которые удерживали дорогу почти в течение двух часов. Если бы не их спокойствие и дисциплина, то произошло бы массовое убийство, которое весь мир считал бы национальным позором США. Прошедшее носило характер организованного выступления фашистов, целью которого были массовые убийства, в первую очередь негров. Это происходило с молчаливого одобрения и при содействии всех полицейских органов штата и округа Уэстчестер, а еще раньше эта кампания совершенно открыто разжигалась газетой «Пиксвил иннинг стар».

ПРЕДАТЕЛИ!

Фальсификаторы и невежды из „БРИТАНСКОГО СОЮЗНИКА“

В № 30 (363) газеты «Британский союзник» помещена статья Т. Х. С. Марчанта «Старинная игра поло». Читая эту статью, я обнаружил, что в ней есть немало утверждений, представляющих собою смесь злостной клеветы и поразительного невежества.

Господин Марчант пишет, что игра поло — старинного происхождения. Это, безусловно, так. Но далее он утверждает: «Персидским поэтом Низами описана одна из таких игр, в которой Шарин, византийская жена персидского царя Хусру Парвоза, бросила вызов на состязание парю и его придворным и победила их со своими приближенными женщинами».

Позволительно спросить: на каком основании автор статьи в «Британском союзнике» объявляет великого азербайджанского поэта «персидским поэтом»? Что это: сознательная клевета или элементарное невежество?

Господин Марчант, взявшись за перо, делает вид, будто ему неизвестно, что Ильяс Юсуф-оглы, избравший поэтический псевдоним Низами Ганджеви, родился в азербайджанском городе Ганджа (руины старой Ганджи находятся близ нынешнего Кяровабада) и является величайшим национальным поэтом Азербайджана, одним из крупнейших художников мировой литературы. Господин Марчант делает вид, будто он забыл, что совсем недавно народы Советского Союза и вся мировая общественность отмечали восьмидесятилетие со дня рождения Низами и что в эти дни в центре Баку был воздвигнут памятник поэту — знак благодарности потомков-азербайджанцев своему гениальному предку.

Не много трудов пришлось бы затратить

господину Марчанту для того, чтобы уяснить истину, если бы он к этому стремился. Достаточно было бы, например, взглянуть во вступлении к поэме Низами «Дейля и Меджун».

Эта поэма написана Низами по требованию ширваншаха Ахсатана. Известно, что Ахсатан запретил Низами писать на родном азербайджанском языке (несмотря на то, что этот язык является одним из богатых и красивых языков Востока). В своем послании ширваншах восклицал:

Нам неприличен тюркский твой язык.
Наш двор к простецким нравам не привык.
Раз мы знатны и саном высоки,
Высокие да слышим языки!

Из этих строк достаточно ясно, почему часть произведений азербайджанского поэта Низами, вопреки его желанию, написана на персидском языке — на языке властелина. Но это, разумеется, не значит, что господин Марчант волею превращает Низами в «персидского поэта».

Впрочем, злополучный автор статьи о поло проявил свое невежество не только в этом. Так, он почему-то называет Шарин «византийской женой» персидского царя Хосрова Парвоза, хотя из поэмы «Хосров и Шарин» видно, что византийской женой Хосрова была дочь византийского императора — Марям, а Шарин — азербайджанка. Господин Марчант путает Марям с Шарин.

Автор фальсифицирует и историю игры поло.

Это название происходит от тибетского слова «пуду» — шар. Разные виды этой

Подлинное лицо «демократии доллара»

В мае четыре руководителя компании США — Гейтс, Холл, Уинстон и Грин были, как известно, незаконно брошены в тюрьму за так называемое «неуважение к суду».

«Дейли уоркер» сообщает о том чудовищном обращении, которому их подвергают американские тюремщики. С ними демонстративно обращаются, как с уголовными преступниками. Гейтса, Холла и Уинстона, а впоследствии и Грина поместили в небольшую камеру, где уже находилось восемь заключенных и где имелось всего четыре лежака, на которых арестанты спали попарно.

«Мы не можем передать им абсолютно ничего — ни папирос, ни журналов, ни газет, ни книг», — пишет в «Дейли уоркер» родственник заключенных коммунистов.

Ежедневная процедура осмотра находящихся в тюрьме руководителей компании включает обязательное просматривание рентгеновскими лучами «на предмет обнаружения всякого рода запрещенных предметов».

Работорговцы в Японии

Японская газета «Ниппон таймс» сообщает об участившихся случаях торговли людьми в Японии. Завлаченные непеременимыми налогами и хищнической политикой местных властей, малоземельные крестьяне вынуждены продавать своих детей скупщикам «живого товара», находящимся под покровительством американских оккупационных властей.

В городе Вакамацу (префектура Фукусима) куплю-продажу юных рабов монополизировали «американизированные работорговцы» Суэки и Кисако Гото. В префектуре Токио орудовала шайка, торговавшая детьми, подростками и девушками, которых она получала из провинции Фукусима. Так, были проданы в рабство четверо детей ремесленника Сайто из Вакамацу.

Обычная цена за ребенка, продаваемого для работы на фабрике или в сельском хозяйстве, не превышает 9 американских долларов. Часто голодающие крестьяне вынуждены продавать своих детей даже за одну-две мешка тыквенных семечек.

Игры существуют у различных народов Советского Союза — узбеков, таджиков и других. Автор пишет, что в поло играли в Персии в VI веке нашей эры, но умалчивает о том, что еще до VI века конная игра поло была очень популярна в Азербайджане, расположенном по эту сторону реки Аракс, и называлась чоган. Если об этом обстоятельстве сознательно не упоминает Марчант, то зато о нем упоминают многие старинные азербайджанские миниатюры, а великому Низами мастерски описано состязание в чоган красавицы Шарин со своим возлюбленным Хосровом.

Кстати, господин Марчант путает даже историю введения этой игры в самой Англии. Вопреки утверждениям автора, поло появилось на Британских островах не в 1871 году, а в 1869 году. В 1863 году английский генерал-майор Шерар привез две команды из Маннипура в Калькутту, где были проведены показательные игры в поло. Позже эта игра из Индии перекочевала в Англию. Не в 1871 году, как утверждает «Британский союзник», была введена эта игра в Англию, а в 1869 году, когда офицеры английского полка из Олдершта впервые играли в Англию в поло, применяя хоккейные клюшки и блядариные шары.

Невежественные сотрудники «Британского союзника» преподносят советскому читателю под видом спортивной хроникей всякого рода фальсификаторские измышления, названо рассчитывая, что ложь не будет замечена.

Рустам МУСТАФАЕВ,

действительный член Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний.

Андрей МАЛЫШКО

Под звездами Венгрии

1. Будапешт

Над городом вьются дымы заводов, на большом дышании работает индустриальный комбинат Чепель. Дымки тянут в прозрачной голубизне неба над Дунаем.

Гитлеровцы и салашники не щадили ни города, ни реки. Они разрушили лучшие кварталы и предприятия Будапешта, взорвали все восемь мостов через Дунай. Но животворна воля трудового народа. Вьются дымки восстановленных заводов над Дунаем, над его чудесными новыми мостами...

Первый из них был воздвигнут советскими бойцами, освободившими столицу Венгрии. Рабочие Будапешта восстанавливали еще четыре моста. Эти мосты стоят над Дунаем, как символ будущего страны, поднимаются над новым Будапештом, над новой Венгрией. В этом году, ко дню Великой Октябрьской революции в СССР, будет построен еще один огромный мост через Дунай — Ландхит.

Прекрасен Будапешт ночью. По обе стороны Дуная, за островом Маргит и в районе Чепель, гудят машины, землечерпалки выравнивают берег, мочуны краны подымают кирпич на шестые, седьмые этажи новостроек. Несмотря на получение в лица рабочих строительства. Вот пожилой, с седой бородкой коренный рабочий — укладчик кирпича. При режиме Хорти он сидел в тюрьме за поддержку мирной политики Советского Союза. В дни войны, когда Венгрию заполонили гитлеровцы, он прятался в селлах, чтобы не попасть снова в тюремный подвал. Клад печ в крестьянских газах, попал колодцы. Постарел, сгорбился, но остался, как и прежде, честным человеком, твердым в своих убеждениях. Когда в Будапешт во-

шли первые советские части, он встречал их, обнимал бойцов, радостно восклицая: «Свобода!».

А потом, засучив рукава, помогал бойцам наводить потонные мосты через Дунай. Теперь этот равно поседевший человек работает на строительстве, укладывая кирпич скоростным методом.

— Я хочу работать так, — заявляет он, — как работают в Советском Союзе, чтобы новые дома освещались солнцем, чтобы в уютных комнатах жила наша рабочая семья.

И его глаза после этих слов светятся добрым приветливым огнем и рука еще быстрее и увереннее укладывает кирпич. Раньше в центральных районах города по вечерам прогуливались сыновья богатеев и раскрашенные, как кукулы, барышни. А сегодня на этих улицах можно видеть юную молодежь: в белых и синих безрукавках проходят группами рабочие и крестьянские юноши и девушки с книгами подмышкой — студенты, учащиеся технических училищ, будущие учителя, врачи, агрономы, мастера заводских цехов. Слышится знакомая мелодия нашей песни: «Широка страна моя родная».

В знак благодарности советскому народу, освободившему Венгрию от фашизма, на высокой горе в Буде воздвигнут памятник Свободы. На двадцатичетырехметровом постаменте стоит стройная фигура женщины с миртовой ветвью в руке. Гордо поднята голова женщины, устремленные, вдали глаза смотрят на восток, в сторону нашей Советской Родины.

А с другой стороны, в Пеште, возвышается памятник гениальному венгерскому поэту Шандору Петефи. Его простертая рука словно тянется к памятнику Свободы, как будто поет, отдавший свою жизнь и

кровь за трудовой венгерский народ, через столетия протягивает свою благодарную руку к памяtnику освобождения.

На окраине Будапешта в дубовых и кленовых рощах расположился центральный пионерский лагерь. Более двух тысяч ребят со всей страны отдыхают здесь. В этих местах до войны были особняки будапештских богатей, аристократии, помещиков. Сейчас здесь — дети рабочих и крестьян, отличники учебы. И не только венгерские школьники, — в лагере можно видеть белые палатки, где живут дети, приехавшие из Болгарии, Чехословакии, Польши.

Рассказывают, что в пионерских лагерях Болгарии, Чехословакии, Польши есть такие же белые палатки, в которых отдыхают венгерские дети. Это новое явление, которого не знала Венгрия до 1944 года.

Полосатые пограничные столбы не являются преградой братской кровной дружбе демократических народов. Это — благородное товарищество, и дети этих народов воспитываются и растут, как свободные граждане.

2. На венгерских равнинах

Под крылом самолета проплывают плодородные поля. На нивах колысятся ячмень, пшеница, овес; на этих полях люди трудятся, собирая богатый, поистине народный урожай.

Идет новенький свежее-окрашенный трактор, поднимая плагунами черно-коричневые плодородные пласты. Как они блестят под вечерним солнцем, эти столетними вымечтанные пласты, как радуют они взор крестьянина новой Венгрии!

У дороги стоит седой старик. Он задумчиво смотрит вслед трактору. Раньше трактор был разве только у помещика, а он, этот человек у дороги, колыл за убогим плугом, погоняя тошную клячу. Сегодня машинно-тракторная станция посылает трактор на его поле. И вот старик стоит

и смотрит ему вслед, и слезы радости застилают ему глаза. Земля, этот широкий простор, и эти молоденькие клены и черешни, посаженные три года назад у дороги, — все это его богатство, его добро на долгие светлые времена.

Земельная реформа, осуществленная народной властью, надела участки по 4—7 гектаров семью тысяч безземельных хозяйств. Впервые в истории существования венгерского государства бедный крестьянин, мечтавший столетиями о земле, получил ее в свои руки. Благодаря освобождению страны советскими войсками от фашистского ига, благодаря заботам Венгерской партии трудящихся о народе. Новая жизнь пришла в венгерскую деревню с организацией производственных сельскохозяйственных кооперативов трудящихся крестьян, машинно-тракторных станций. На полях Венгрии в этом году работает более двух тысяч тракторов.

Венгерская крестьянская делегация, побывавшая в колхозах Московской, Ленинградской, Воронежской областей и Украины, увидела мечту венгерского земледельца, воплощенную в действительность. С какой жадной пытливейшей присматривалась венгерские крестьяне к жизни наших колхозников! Их интересовала не только обработка земли, организация труда звеньев и бригад в поле, их интересовал весь строй колхозной жизни. Они видели новые культуры, пришедшие на колхозные поля. И сегодня в Венгрии уже зеленеют кок-сагзы и поля, засеянные рисом, а на опытных участках кооперативных артелей крестьяне с восхищением рассматривают стебли нашей «ветвистой пшеницы»...

3. Страна учится

Демократическое правительство Венгрии заботится о просвещении народа. В стране организованы школы по типу наших со-

ветских средних школ. В них обучаются дети рабочих, крестьян, интеллигенции. В рабочих центрах и районах организованы средние школы и технические училища, в которых одновременно с общим образованием учащиеся проходят производственную практику и получают определенную специальность. Дети крестьян живут в общежитиях, бесплатно получая питание и книги.

На крутом берегу Буди виден хмурый, разбитый немцами королевский дворец. На железных воротах обвисают поржавевшие орудия габсбургской династии. Мертвые газаниты окон холодно смотрят вдали. Дикой дубовой и репейников поросли серые авры. Но мнет немого времени — и сюда придут строители, явятся со своими товарищами и тот самый сельский рабочий, что так умело и быстро клядет кирпич на новостройках. Придут они, и законит работа, оживут дворы, засветятся окна. В бышем королевском дворе, в его огромных помещениях, после восстановления будут размещены научно-исследовательские институты, учебные заведения, школы. Королевский дворец, оплот реакции, станет центром культуры и просвещения венгерского народа.

Когда правительство заботится о просвещении народа, о его духовных и материальных потребностях, когда оно поднимает таланты из народа и показывает эти таланты всему миру, — это и есть подлинное народное правительство. Уже треть столетия это делает советская власть, и, перенимая опыт нашего великого Отечества, ныне это делают народно-демократические страны Европы, в частности, Венгрия.

4. По призыву Отчизны

Недавно страна отмечала сто лет со дня смерти гениального поэта-революционера Шандора Петефи. Има поэта, его мысли, чувства, стремления, его пламенные песни вошли в историю венгерского народа, как святая. Его ценят и любят все прогрессивное человечество.

На торжестве приехали делегации писателей Советского Союза, стран народной демократии — Польши, Румынии, Чехословакии, Болгарии, прогрессивные писатели Франции, Италии, Голландии. Из Чили прибыл известный всему миру поэта-антифашист, борец против англо-американской реакции Пабло Неруда. Будапешт был украшен национальными флагами Венгрии, красными знаменами Советского Союза. Сотня тысяч людей сошлась на площади города приветствовать гостей, посланцев дружественных народов.

Чудесные слова о Шандоре Петефи сказал грузинский поэт Георгий Леонидзе, выступая перед памятником поэту:

— Петефи, как горячий орел, полнится над темнотою, нищенской жизнью, несправедливостью и гнетом старой Венгрии. И, как горячий орел, распростертый крыльями, он влетает в новую жизнь своего родного народа, идушего по пути социализма. Выгляните на эту горную фигуру поэта с поднятой рукой, на эти широко раскрытые пламенные глаза, и вам вспомнятся слова его «Национальный песнь»: «Встань, маляр, зовет отчизна!»

Отчизна поэта позвала трубой народ на построение полей, светлой жизни, и этот народ стоит плечом к плечу с советскими людьми на передовой линии боев против международной реакции, против англо-американских поджигателей войны, за мир и счастье всех народов.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ, Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН (зам. главного редактора), Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.